

Айя Сафина

ХРОНИКИ ЭКЗОРЦИСТОВ

Поглотитель Грехов

12+

Айя Сафина

**Хроники экзорцистов.
Книга 1. Поглотитель грехов**

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Сафина А.

Хроники экзорцистов. Книга 1. Поглотитель грехов /
А. Сафина — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Ева и Стефания Бертран – представители древнего рода изгоняющих дьяволов. Обязанность экзорцистов стоять на границе между светом и тьмой и отталкивать демонов прочь от мира людей. Но молодое поколение экзорцистов возвращено в отличных от их предков реалиях, и все чаще они задаются вопросом «А стоит ли бояться тьму?». Противостояние между прежней и новой верой вспыхивает пуще прежнего, когда один из молодых экзорцистов призывает в мир демона и дарит ему плоть в обмен на службу Богу. А тем временем в городе объявился серийный убийца, чьими руками, возможно, действует тьма. Героев ждет опасное приключение, в ходе которого они откроют пороки света и достоинства тьмы.

Содержание

Факты	5
Пролог	6
2. Лев или кролик?	19
3. Пришел демон в этот мир...	29
4. Жуткое знакомство в бельведере	36
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Айя Сафина

Хроники экзорцистов.

Книга 1. Поглотитель грехов

ФАКТЫ

Реальная статистика из исследований ФБР и Скотленд-Ярда по преступности: 86 % подростков, совершивших тяжкие преступления, ранее жестоко обращались с животными.

Александр Бухановский – доктор медицинских наук, профессор юридического факультета Ростовского государственного университета, член Американской Академии судебных наук и Академии психиатрии и права США, почетный член Ассоциации европейских психиатров и просто крупнейший в мире специалист по серийным убийцам (вычислил Чикатило): «60% будущих серийных убийц в детстве обнаруживали специфически жестокое отношение к животным».

Вопрос специальному агенту ФБР Алану Бранли (психолог в штате тюрьмы строго режима):

– Сколько из серийных убийц, содержащихся здесь, издевались над животными?

Алан Бранли:

– Спросите лучше – сколько не издевались.

Пролог

Экзорцизм – лат. exorcism, от др.-греч. ἐξορκισμός «связывание клятвой»

– Он ждет тебя...

Шепот раздался возле самого уха. За всю свою двадцатилетнюю жизнь тело адаптировалось к восприятию потусторонних голосов на уровне рефлексов. А потому Стефания немедленно проснулась и села в кровати.

Обычно после первого зова души сразу начинали рассказывать свою историю, и им невдомек, что ты сейчас сидишь на унитазе и немного занят. Однажды дух появился во время уборки, Стефания провела эксперимент и попробовала всосать его пылесосом. Дух испарился, а потом появился у нее за спиной и был, мягко сказать, озадачен пережитым опытом. С тех пор стало ясно, что лучше откладывать не их проблемы, а пылесос и зов кишечника, все-таки они нелегкий путь проделали, чтобы появиться перед человеком.

Но с этим голосом все было необычно.

Стефания услышала его полгода назад, хотя иногда казалось, что он навещал ее гораздо раньше. Владелец шепота избрал Стефанию проводником в своей загробной жизни, и с тех пор то и дело напоминал о своем присутствии: то окликнет ее, то ворвется в сон, то тенью отразится в зеркале и напугает до желтых пятен в трусах. Но тем не менее визитер был слаб. Ему до сих пор не хватало сил прорваться сквозь материю физического мира, чтобы обрести зрительную форму, но Стефания чувствовала, что этот момент близок. С каждым его приходом она улавливала все больше новых предвестников его крепнувшей сущности.

Сегодня незнакомец принес собой запах паленой плоти. Она уже знала этот запах. Стефания знает его с детства, потому что ей с рождения уготована участь быть экзорцистом – кровь обязывала. Ее родители были одними из самых известных борцов с нечистью во времена военных кризисов на Востоке в 80-е годы. Ее дед служил свету в Восточной Европе, когда демоны вели шествие руками нацистов. Прабабушка работала на Восточном фронте Первой Мировой, скрывая свой клир под формой медсестры. Демоны всегда сопровождают войны, столкновения, техногенные катастрофы.

Демоны всегда есть там, где человек убивает живое существо.

И демоны всегда приносят с собой запах горелой плоти.

Стефания сидела в постели и сжимала в руке медальон, висящий на браслете. Каждый экзорцист имел собственного святого, назначенного ему при обряде инициации. Святая Стефанида стала ее защитницей по жизни.

– Мученики Твои, Господи, за подвиги свои получили венцы нетленные от Тебя, Бога нашего; ибо они, имея силу Твою, мучителей низложили, демонов сокрушили. По молитвам их, Господи, спаси души наши.

Губы шептали молитву наизусть – слова вросли в память, как неконтролируемый рефлекс.

Дядя Виктор учил:

– Бесы стремятся напугать человека, заставить врасплох. Твое тело для них – стекло. Они видят твои духовные слабости, видят любой твой психический изъян и манипулируют им, давят на него, страшат тебя. Не поддавайся их натиску. Читай молитву до тех пор, пока не уверуешь в свою силу, во власть бога над всеми сущностями. Пока не уверуешь, что они, также как и ты, имеют собственные страхи, и также, как и они, ты можешь страшить бесов и манипулировать их слабостями.

С каждым повтором молитвы Стефания уверовала сильнее и неотступнее. В груди разливалось знакомое тепло света, которому она служила и который защищал ее, как свое дитя.

Комната была пуста. Холодный ветерок из открытой форточки теребил легкую белую тюль, и это было единственным признаком чего-то живого и движущегося в спальне.

Визитер ушел, так и не показавшись в этот раз.

Бесы не живут в пустых домах

Закон сохранения энергии – фундаментальный закон природы, заключающийся в том, что в изолированной системе энергия может переходить из одного состояния в другое, но ее общее количество всегда будет одинаковым вне зависимости от времени.

Человеческий мир – неустанный котел жизнетворения, ядро мироздания, центр событий, в котором плетется история. Человеческий мир развивается устойчиво, пока света в нем больше, чем тьмы. Как только энергия тьмы начинает преобладать, мир катится в пропасть хаоса: цивилизации рушатся, жизнь вымирает.

Свет и тьма – вечные соперники за первенство, за обладание энергией в замкнутой системе вечного мироздания. Вселенная не исчезнет, если тьма станет преобладать в ней. Но тьма приносит с собой боль и страдания. Такова ее неизменная суть. Таков мир демонов, которых они стремятся насадить повсюду.

Люди, обладающие повышенной чувствительностью к колебаниям энергий света и тьмы, способны обнаруживать критический дисбаланс. Медиумы, экстрасенсы, просто обладающие тонкой интуицией – все они способны увидеть бреши и прочувствовать наползающую негу тьмы. Но не все они способны дать ей отпор, сшить разорванное на лоскуты полотно человеческого мира.

Это могут сделать экзорцисты.

Экзорцисты стоят на пороге миров и отталкивают тьму прочь.

Как лекари, они восстанавливают истонченные места и латают дыры между мирами, являясь единственным препятствием на пути демонов в человеческий мир.

Экзорцисты умеют ясновидеть. Их существование на грани двух миров накладывает отпечаток как на их духовное, так и на физическое тело. Это влияние столь многогранно и разнородно, что до сих пор никому не удалось до конца изучить способности экзорцистов, найти лимиты их способностей, а оттого чудеса, описанные в священных книгах вполне могут оказаться реальными демонстрациями сил тех, кто борется за торжество света.

Заблудшие души постоянно навещают экзорцистов. Иногда души знают, чего они хотят, а порой они конкретно заблудшие. Потерянные, забывшие самих себя, не осознающие, кто они, что с ними произошло и куда им следует идти. Они приходят к любому человеку, обладающему способностью чувствовать колебания потустороннего мира. В потустороннем мире ярче всех для них сверкают именно экзорцисты. Души тянет к ним, как магниты. Кто-то говорит, что это Бог ведет их к тому, кто поможет выбраться из лабиринта между мирами. Другие твердят, что это гравитационное взаимодействие на уровне квантов: две настроенные на один диапазон струны тянутся друг к другу, сами того не осознавая.

Так экзорцисты становятся не только защитниками, но и бардами, собирающими истории жизней со всего света, они пишут книги и хрестоматии и делятся друг с другом опытом помощи потерянным душам.

После смерти родителей Стефания была передана на воспитание дяде Виктору – пресвитеру экзорцистов. Виктор сам учил Стефанию вместе со своей дочерью Евой: девочки были одного года рождения. Виктор учил жестко, натаскивал сурово. Потому что представители старинного рода изгоняющих демонов не могут быть слабаками по определению.

По крови.

– Доброе утро, ягнята.

Дядя Виктор вошел в столовую с традиционным приветствием. Многие находили это прозвище милым, даже не вдумываясь в то, что девушек фактически называли жертвенными

животными. Дядя Виктор находил это сравнение забавным, Стефания – странным, Ева – отвратительным.

– Но разве вы не агнцы божьи, искупающие грехи людей и свидетельствующие чудо воскресения и всепрощения? – говорил дядя.

– Если моим телом будут трапезничать обрезанные мужчины я не против, – отвечала Ева.

Ева была союзом противоречий. Религиозное образование накладывалось на пропаганду современных нравов, провозглашающих необходимость женской независимости и борьбы с половой дискриминацией. Многие религиозные догматы она смело критиковала, над монашеским постригом смеялась, а в прошлом году довела отца до инфаркта, выступив постоянным жертвователем благотворительной организации «Алая буква», спонсирующей аборт. Виктор выгнал ее из дома, не разговаривал с ней целый месяц, а Ева взяла да и получила разрешение на обряд экзорцизма над одним миллиардером у другого пресвитера и успешно изгнала демона. На Церковь полились щедрые ежемесячные пожертвования, а Ева доказала той же Церкви, что без нее им будет житья на -дцать сотен тысяч в год меньше. Разумеется, ее не смогли отлучить, и Ева смело продолжала носить духовный сан, как и выполнять свой долг по освобождению мир от демонов, а женщин – от патриархального гнета.

Пресвитер Виктор Бертран был человеком волевым. Он скрывал настойчивый характер за напускной вежливостью и размеренной речью. Каждое его слово было выверено с математической точностью, каждая фраза аккуратно подобрана к ситуации, как и продумана вплоть до запятой. Виктор был стратегом, просчитывал последствия принимаемых решений на несколько лет вперед. Он верил твердо и неотступно. Зачастую совершал личные жертвы в угоду веры, чего сегодня так не хватало в молодёжи, как считал он.

Дядя поцеловал Еву в лоб, наградил не менее горячим поцелуем племянницу и присоединился к завтраку.

– Господи, Иисусе Христе, Боже наш, благослови нам пищу и питье по молитвам Пречистой Твоей Матери и всех святых Твоих, ибо Ты благословен во веки веков. Аминь, – произнес дядя Виктор.

Он постелил белоснежную салфетку на свой безукоризненно выглаженный черный костюм, слегка закатал белоснежные манжеты, в петлях которых желтым золотом сверкали отполированные запонки, и с идеальными аристократичными манерами принялся за овсяную кашу. Ему было уже за пятьдесят, однако стройное подтянутое тело, горделивая осанка, благоухание дорогим освежающим парфюмом смело заявляли, что клерик себя ощущает не только свежо, но и нахально молодо.

– Ко мне поступила просьба.

Ева и Стефания напряглись. С этих слов обычно начиналось задание.

– Пастер Лютер любезно обратился к нам с просьбой изучить странный случай некоего присутствия в жилом доме, – произнес Виктор ровным и размеренным слогом.

Как будто рассказывал о типичных новостях из мира спорта.

– Дом с привидениями? Нет, спасибо, – Ева продолжила хрустеть гречневыми хлебцами.

– Это может быть нетипичный случай. Редко встречаются сущности, обладающие достаточной мощью, чтобы передвигать мебель.

– Ты сказал пастор Лютер? Это же бедный квартал, – Ева в отличие от аристократичного отца говорила с набитым ртом.

– Не называй его так. И сначала проглоти, а потом говори.

Ева закатила глаза. Стефания лишь ухмыльнулась.

Девушки были непохожи. Ева обладала зимней скандинавской внешностью: длинные прямые волосы цвета платинового блонда, голубые глаза, как у отца. Стефания же была шатен-

кой с бледной кожей, карими глазами и малоприметной внешностью на фоне эффектной Евы. Насколько разными они были во внешности, настолько же разился их профессиональный опыт.

Ева всегда брала самые яркие случаи в свою практику. Вытрясти беса из миллиардера? Чур я! Провести обряд изгнания бесов сразу из целой группы монахинь? Как два пальца! Принять участие в экспедицию на Тибет, чтобы изучить уникальный случай одержимости отшельника? Уже пакую чемоданы!

Таких случаев выпадало мало, а потому Стефания довольствовалась хлебными крошками, что оставались после сортировки Евы. Но Стефания была только за. Ей не нравилось ни внимание к своей персоне, ни запутанные случаи. Стефания любила комфорт и привычность, отсутствие инструкций сбивало с толку, нетипичное поведение демона приводило в состояние растерянности.

– Стефания?

Вот и в этот раз Виктор отдал дело Стефании, во-первых, потому что Ева ни за что не полезет в квартал наподобие того, где служил пастор Лютер, если только там нет первого в мире случая одержимости крысы; а во-вторых, повторение пройденного – лучший учитель для Стефании с глубоким комплексом неуверенности в себе.

– Я с удовольствием возьмусь за дело, дядя, – кивнула Стефания.

– Вот и молодец. Ева, бери пример с сестры.

– Уже. Она сегодня сделала себе конский хвост на затылке. Я – тоже.

И с этими словами Ева указала на свою прическу. Виктор покачал головой и продолжил размеренно жевать кашу.

Церковь Святой Марии в Айлингтоне была восстановлена из заброшенных руин благодаря щедрому меценату. Долгое время церковь была непригодна для эксплуатации, и пастор Лютер вел свою паству всего два года. На жертвования анонимного дарителя Святая Мария вновь воззрела на прихожан с разноцветных фресок и икон, а подле алтаря с ее образом горели десятки свечей, подпитывающих веру в мать Христа.

Стефания, следуя церковному протоколу, зажгла свечу под алтарем, перекрестилась святой водой и вложила купюру в ящик для пожертвований. Это было правилом хорошего тона экзорцистов. В вере тоже есть этикет.

Пастор Лютер только что закончил службу и провожал прихожан на крыльце церкви. Сегодня здесь слушали божье слово шестнадцать человек. Ева была права, предсказав, что ничего интересного в этом месте не найдешь.

– *Средние доходы, средняя посещаемость, посредственный пастор*, – заключила она этим утром, провожая сестру в средней паршивости поход.

Стефания терпеливо дождалась ухода прихожан и наконец полностью завладела вниманием пастора.

– Я очень польщен и благодарен, что вы нашли время так скоро, – пастор даже едва заметно поклонился.

– Ну что вы, не стоит. Это наша работа, – скромно ответила Стефания.

– Мой приход небольшой, но очень славный. Я родился в этом квартале, знаю его до дна трущоб. Подросткам здесь сложно. С ранних лет они сталкиваются практически с полным списком несправедливостей, с которыми только может встретиться среднестатистический человек.

«*Средний, средний, средний*», – голос Евы в голове подражал заезженной пластинке.

Большая часть прихожан – мигранты из Африки, чья кровь текла и в жилах пастора Лютера. После окончания семинарии пастор Лютер намеренно остался в своем районе, пони-

мая, что никто другой не справится со здешним контингентом лучше, чем человек, проживший здесь юность еще без белой колоратки¹.

Стефания всегда импонировала людям, которые под гнетом жизненных тягот продолжают верить в силу лучших человеческих качеств, видят добрые намерения в замысловатых перипетиях жизни, но самое главное не устают поддерживать людей в беде. Безусловной любви в подобных кварталах гораздо больше, чем в обеспеченных семьях, стремящихся к финансовой безопасности.

– И есть одна семья, – наконец пастор перешел к делу. – Отец работает на станции техобслуживания, мать – кассир в супермаркете. С виду ничем не отличаются от остальных семей, малоприметные и ...

«Средний, средний, средний», – пела Ева в голове.

– У них двое детей, хорошие мальчишки. Младший лишь в этом году пошел в первый класс, а старший уже заканчивает среднюю школу. Должен заканчивать, но связался не с той компанией, стал дурить. Здесь такое часто бывает. Не всегда слова божьего достаточно для подростка, чтобы узреть истину в этом многоспектральном мире. В общем, он забросил учебу. Пару раз ночевал в участке...

– Пастор Лютер, позвольте, я вас перебую.

Стефания поняла, что о тяготах здешней жизни можно говорить долго, но она здесь ради конкретной задачи.

– Почему вы подумали, что вам нужна наша помощь?

Перейдя к сердцевине проблемы, пастор тут же сник. Ему было тяжело говорить об этом.

– Ансар – так зовут старшего. Он пришел ко мне за советом неделю назад. Вот так просто заявился сюда. Подростков церковь не интересуется. Подростки нашего квартала не верят в бога, либо ненавидят его. Увидеть здесь четырнадцатилетнего парня из плохой компании – чудо. А может, знак Божий. Предупреждение о чем-то опасном, с чем не справится пистолет за поясом.

Пастор перешел на шепот.

– Он сказал, что не хочет возвращаться домой, потому что там что-то поселилось. Я начал расспрашивать его и понял, что он говорит не про родственника. Не про человека...

Стефания наблюдала за поведением пастора, в котором четко прослеживались попытки взрослого человека объяснить необъяснимое. Пастор искал ответы на физической стороне мира, используя логику, наблюдательность, законы физики. Но каждый не отвеченный вопрос заставлял обратить взор на мир по другую сторону невидимой границы.

– Вы посещали их жилище?

– Да, – кивнул пастор Лютер. – Они живут в многоквартирном панельном доме. Много-семейка. Таких здесь десятки построено. Я не заметил ярких признаков беспорядка или опасности...

– Но вы что-то почувствовали, не так ли? – закончила Стефания.

Как уже было сказано, истинные экзорцисты обладают сверхчувствительностью на уровне бестелесных взаимодействий. Чутье Стефании вибрировало рядом с пастором – он что-то вынес из квартиры, где, по его мнению, обитала нечисть. Это может быть остатком вполне объяснимого возбужденного психического состояния жильцов посреди социально-напряженной среды. С другой стороны, именно этот слой общества был излюбленным для бесноватых сущностей. Психически нестабильных, уставших от нужды людей гораздо легче толкнуть на преступление, сломить и перетащить на свою сторону. Криминальная обстановка в подобных районах кипит, ненависть и страх подпитывают котел зла, граница между человеком и чудо-

---

¹ Колоратка или римский воротник – элемент облачения клириков и иных священнослужителей в западных Церквях и церковных общинах, представляющий собой жёсткий белый воротничок с подшитой к нему манишкой, застёгивающийся сзади и надеваемый под сутану, или же белую вставку в воротничок-стойку обычной рубашки.

вищем стирается, и наконец, когда человек теряет свой рассудок и убивает живое существо, через грань проходит демон.

Тщательная исследовательская работа – предварительный этап процедуры. Без веских доказательств одобрения на обряд не получить. А потому уже через полчаса Стефания поднималась по лестнице панельной девятиэтажки, следуя за пастором.

Лифт не работал, но, похоже, никому из здешних обитателей не было до этого дела. Как и жилищно-коммунальной организации. Лестничные пролеты завалены старым хламом, который либо не хотели тащить до ближайшей свалки, либо оставили здесь до лучших времен, когда он может пригодиться. Разумеется, в этой куче мусора развелась живность самого разного размера. Фекалии живности смешались с экскрементами захаживающих в открытые подъезды бомжей, что порождало тошнотворный запах, режущий глаза. Стефания старалась делать маленькие вдохи, но они поднимались на шестой этаж, а потому к концу последнего лестничного пролета легкие Стефании впитали в себя весь аромат окружающих трущоб: запахи отходов, подгоревшего масла на сковороде, засохшей блевоты и урины на стенах.

Дешевое жилье, возводимое со скоростью постройки картонного домика, демонстрировало все возможные изъяны – последствия быстрого строительства: тонкие стены, за которыми раздавались агрессивные крики, нахальный смех и плач детей; течь водопровода и забитая канализация, смердящая на весь подъезд; перебои электричества в проводке, не справляющейся с объемом потребления.

Ева ошиблась. Это не средний уровень. Это практически самое дно.

Наконец в тускло освещенном коридоре пастор постучал в дверь с номером шестьдесят три, написанным мелом по деревянному полотну. Шаркающие шаги обозначили приближение хозяйки. По характерному звуку Стефания даже представила ее розовые в цветочек резиновые тапочки. Сверхчувствительность срабатывает и на такие вот бытовые мелочи.

Дверь открылась, и в проеме показалась мать. Черная кожа блестела от пота, как влажная земля. Белки глаз, как фары дневного света в ночи, изрезаны красными сосудами. Домашний цветастый халат тяжело пах стиральной, прохуdivшиеся резиновые тапочки истоптаны мощными ногами, испещренными синими паутинками выпирающих вен.

– Здравствуй, Умма.

– Святой отец.

Она приоткрыла дверь и пропустила гостей внутрь.

Пастор предупредил их о визите, предупредил и о дорогом госте, а потому в квартире было убрано и собралась вся семья. Ансар тоже. Стефания была рада увидеть мальчика: это означало, что парень, который таскал за поясом пистолет, был всерьез настроен побороться с неизвестной угрозой.

– Стефания, это Умма и ее муж Идрис, это их дети – Ансар и Карим.

Стефания пожала руки всем. Физический контакт – обязательный этап исследования – так Стефания считывала поток.

– Это мой брат Камал, – произнесла Умма.

Крепкого телосложения мужчина в рабочей футболке почтового грузчика без слов одним лишь своим запахом заявлял, что только что вернулся с ночной смены и был готов стать частью семейного совета в столь непростом деле.

Все расселись в скромной гостиной, Умма разливала чай, который никто не желал пить, но который являлся обязательным атрибутом гостеприимства.

К духоте в квартире добавлялись тяжелые запахи жаренного мяса из соседних квартир, открытая форточка не спасала. Стефания расстегнула пальто, аккуратно сложила его и перебросила через спинку дивана. После посещения сей обители химчистка неизбежна.

Она устроилась поудобнее, насколько это было возможным, и стала разглядывать квартиру. Ей необходимо изучить обстановку, прочувствовать атмосферу в жилище, услышать то,

что не слышно человеческому уху, уловить колебания потустороннего мира, найти складки в его ровном полотне, свидетельствующие о дисбалансе.

Она осматривалась тщательно, взгляд задерживался на каждой щели в мебели, каждом куске облезлых обоев, на фотографиях и иконах на стенах. Большое деревянное распятие висело ровно посередине стены гостиной. Очень старое, судя по трещинам. Лак облез, дерево иссушилось и теперь осыпалось щепками.

– Это моей мамы, – произнес Идрис, заметив пристальный интерес Стефании.

– Вы выросли в религиозной семье?

– Да. Я родился в Алжире. Там совсем небольшая католическая община. Бабушка убиралась в церкви, мама работала в церковном огороде.

Акцент Идриса сохранил интонации родного языка, словно дань уважения родине, на которой определенно жилось нелегко. В Алжире основная религия – ислам суннитского толка, христиане иногда становятся жертвой религиозной неприязни, так двадцать лет назад исламисты убили епископа Орана². Ксенофобия всегда уходит корнями в невежество. Не каждый ныне живущий алжирец знает, что самой первой религией, принесшей единого бога в Северную Африку, является католицизм Римской империи. Именно христианский бог был первым, кто поборол в тех краях язычество, и он явно не заслужил убийство его слуг в качестве благодарности.

– Вы не священник, – вдруг произнесла Умма.

Стефания ждала этой фразы. Ее этой фразой приветствуют.

– Мой духовный сан не столь очевиден, как у пастора Лютера. Я не ношу формальных признаков клира, — Стефания бросила заученную фразу в ответ.

Странная гостья была чересчур молода для экзорциста, к тому же она не носила церковных атрибутов. Она сильно выбивалась из окружающей обстановки своим определенно дорогим черным драповым пальто и черным платьем. Это была элегантная скромность, которую простой священник никогда бы не смог себе позволить.

– Умма, уверяю тебя, Стефания – одна из немногих специалистов, способная понять и объяснить происходящее.

– Сколько стоят ваши услуги? – недоверчиво спросил Идрис.

– Нисколько.

Экзорцисты содержались церковью, которая никогда не знала недостатка в средствах. Старинный семейный особняк дяди – яркое тому подтверждение.

– Официальные обряды экзорцизма проводятся бесплатно. В войне с демонами нет места наживе. От этого зависит благосостояние всего человечества, – Стефания цитировала строчки из пособий.

Всю историю человечества экзорцисты сопровождали важнейшие события, оставаясь в тени. В разные времена они носили разные названия: колдуны, шаманы, провидцы, духовные советники. Церковь, мечеть, синагога: все молельные дома возвращают экзорцистов и отправляют на войну, чтобы те рассеивали наползающую тьму. Борьба света и тьмы многогранна, богата уловками и трюками и разворачивается во всех областях жизни: то может быть открытый военный конфликт, а то и запутанная финансовая схема.

– Если же окажется так, что в вашем случае обряд не нужен, Церковь Святой Марии поможет с оплатой психологической поддержки, – добавил пастор.

– Хотите сказать, что мы сошли с ума? – с вызовом спросил Идрис.

– Зачастую одержимость – это всего лишь последствия нестабильного психического состояния. Из ста тысяч лишь три являются истинными случаями одержимости.

---

² Орán – город-порт на [средиземноморском](#) побережье [Алжира](#).

– Пастор сообщил, что ты перестал ходить в школу, – Стефания решила перейти к сути визита и обратилась к Ансару, сидящему в кресле подальше от остальных.

– Мне не нравится там, – буркнул Ансар.

И тут же насупился, сложив руки на груди в защитной позе.

Юнец бунтовал и старался продемонстрировать это во всем: в манерах, в речи, в одежде. Косички, заплетенные вдоль головы, непонятная татуировка, торчащая из-за ворота футболки, грязная толстовка и мешковатые джинсы, так ярко контрастирующие с новыми кроссовками, которые он определено украл. От парня пахло не только сигаретами и курительными смесями, но и потом, и немытым телом. Нужно быть совсем слепым, чтобы не понимать, насколько парень нуждался в помощи. Четырнадцать лет – сложный возраст. Стефания сама до конца не понимала, как ей удалось его пережить. А дядя Виктор до сих пор под впечатлением от пережитого и не желает вспоминать о тех временах, лишь перекрещивается, потому что растил двойной гормональный коктейль.

Ансар же переживал небанальное созревание. Что-то гнало парня, он был охвачен тревогой, что-то довлело над ним, истощало его организм. Что-то очень сильное, способное влиять на его жизненные решения. Что-то, уговорившее хорошего парня взяться за пистолет.

– Почему?

– Учителя тупые.

– Ансар! – окрикнул Идрис.

Парень замкнулся окончательно.

Родительское наказание лишь усложняло установку контакта с юнцом, но Стефания их не винила. Они стали заложниками ситуации, превратившейся в медленно затягивающуюся петлю на шее. Ансар являлся центром некоего мощного давления со стороны, встретился с огромной проблемой, которую не смог разрешить сам, а от родителей не получил должной поддержки, потому что они и сами не понимали, с чем имели дело. Так он закрылся в своей обиде, уверенный в том, что семья бросила его один на один с опасностью, а потом и вовсе пошел искать поддержку на стороне. Уличная банда ждет таких подростков с распростертыми объятиями. Подростков, непонятых взрослыми, озлобленных, с кипящей от гормонов кровью в венах. Это немедленно нашло отражение в отношениях с родителями, которые очень скоро стали использовать кнут, потому что пряник не помогал. Обида мальчика росла, как и раздражение родителей. Одно накладывалось на другое, и вся семья медленно скатывалась в самый низ лестницы, где каждого ждал свой конец: Ансара – тюрьма или смерть, а родителей – горе.

– Какой у тебя был любимый предмет? – спросил Стефания.

Ансар молчал.

– Я думаю... что-то из естественных наук... Может быть, биология?

Ансар хмуро посмотрел на нее, а потом нехотя ответил:

– Химия. Там было прикольно.

– У тебя получалось?

Ансар пожал плечами.

– Было весело. Всякие опыты там, эксперименты. Можно было что-нибудь взорвать или разбить.

Стефания улыбнулась.

– Почему же перестал посещать занятия?

И снова Ансар насупился. Стефания видела терзания мальчика, запрещающие ему говорить. Это был страх. Ансар не желал открывать свою душу нараспашку, потому что однажды уже открыл, но ему лишь причинили боль.

– Причина твоих проблем, Ансар, кроется в том, что ты мало спишь, – произнесла Стефания как можно проще. – Недостаток сна приводит к снижению активности мозга, возникают проблемы с концентрацией внимания, мозг воспринимает и обрабатывает информацию с тру-

дом, становится сложнее учить что-то наизусть. В школе ты перестал успевать, это тебя расстроило, и ты решил убежать от насмешек одноклассников и от критики учителей.

Стефания взглянула на родителей.

– При дефиците сна развивается нездоровый аппетит, люди подсаживаются на фаст-фуд и вредные перекусы, что еще больше усугубляет физическое состояние и накапливает усталость.

Толстовка Ансара была заляпана пятнами от дешевых соусов из ресторанов быстрого питания.

– В долгосрочной перспективе может развиваться сердечная недостаточность, увеличиться риск развития сахарного диабета и даже инсульт.

С минуту все молчали, переваривая услышанное. А потом отец задал вопрос тоном, полным скептицизма:

– И это все? Проблема в недостатке сна? Да вы хоть знаете, что у нас здесь происходит?!

Пастор Лютер вам не рассказал?

– Идрис, давай сохранять спокойствие, – мягко произнес пастор.

Но Идрис уже почти кричал:

– Да у нас тут стулья летают в миллиметре от головы! Консервные банки падают на ноги! Вчера одна такая упала на стопу Карима, и он получил трещину клиновидной кости!

– За последние три месяца мы шесть раз были в неотложке. Социальные службы поставили нас на учет из-за частых травм детей. Они думают... – голос Уммы сорвался и она заплакала. – Они думают, что это мы избиваем детей!

Наконец гостиная стала наполняться эмоциями. Они нужны Стефании, чтобы прочувствовать настоящую атмосферу, царящую в доме. Вся напускная осторожность испарилась, самообладание сломалось, гостеприимство улетучилось. На волю вырвались искренние чувства. Стефанию омыло потоками неконтролируемой энергии, в которых она одну за другой ловила неровности и анализировала их.

– Твоя проблема, Ансар, и вправду недосып, – медленно проговорила Стефания. – А вот почему ты не спишь, это другой вопрос.

Ансар задержал дыхание.

– Ты что-то увидел, не так ли?

В комнате снова стихло. Ансар ответил не сразу. И ответил едва заметным кивком.

– Что-то посреди ночи. Это тебя испугало, потому что ты не смог это объяснить.

Снова едва заметный кивок.

– Родители тебе не поверили, потому что ты – единственный, кто видит это. Ты попытался убедить себя в том, что они правы. Но не получилось. И тогда ты стал убежать из дома, лишь бы быть подальше от... этой сущности.

Ансар не двигался.

– Ты боишься спать, потому что видишь кошмары. Ты стал принимать какие-то препараты, скорее всего, легкодоступные стимуляторы вроде кофеина, которые не позволяют тебе забыться глубоким сном. Продолжительное отсутствие глубокой фазы сна и привело тебя туда, где ты сейчас.

Умма переглядывалась с Идрисом, Камал смотрел то на Стефанию, то на Ансара. Никто не понимал, к чему все это ведет.

– Удивительно, да? – спросила Стефания. – Банальное отсутствие сна может разрушить жизнь человека до основания. А знаешь ли ты, что депривация сна – самая распространенная пытка в военных тюрьмах? Человеку просто не позволяли спать на протяжении нескольких суток. Вначале допрашиваемый испытывал нестерпимые головные боли и резь в глазах. Потом начинались мышечные спазмы и судороги. Вскоре человек впадал в полубморочное состояние, начинал видеть красочные галлюцинации – признак явных нарушений в работе мозга, и

если человеку не дать поспать, эти нарушения становятся необратимыми. Именно в эту фазу допрашиваемый признавался во всех преступлениях.

– Это были не галлюцинации! – обиженно процедил сквозь зубы Ансар.

– Вначале – нет. Но потом – да.

Ансар нахмурился.

– Так значит... я все-таки видел что-то?

– Ты мне расскажи.

Идрис ткнул сына в плечо.

– Ансар! Расскажи! – взмолилась мать.

Ансар нехотя произнес:

– Какая-то тень... стояла в проеме, когда я пошел отлить. Я закричал. Но никто мне не поверил!

Обида снова прочувствовалась в каждом его слове.

– С этого все началось, – продолжил отец. – Мы выбежали на его крик, подумали грабители. Тут такое часто происходит. Но дверь и окна были заперты. А через месяц у Ансара под матрасом мы нашли...

– В то время я их не употреблял! Я вам сто раз клялся в этом! – закричал Ансар.

– Мы нашли какие-то таблетки и ...

– Да пошли вы!

С этими словами Ансар вскочил с дивана и направился к двери.

– Все это тупая идея! Вы все идиоты! Ненавижу вас всех!

Стефания встала и бросила парню вслед:

– Я не сказала, что не верю тебе.

Ансар задержался у двери.

– Наркотики – это неверная дорожка. Но я думаю, у тебя были причины. Я здесь не для того, чтобы осуждать.

Ансар обернулся. Он до сих пор не понимал, на его ли стороне эта леди в черном. Он решил рубануть, потому что его вся эта чушь про дьявола достала. Либо он сошел с ума, либо какая-то странная тень и впрямь пытается их изжить из этой квартиры.

– Так есть здесь что-то или нет? – закричал он.

Парень был на грани срыва, его многомесячное изнеможение сделало из него бомбу замедленного действия. Пройдет еще несколько дней, и он очнется за рулем угнанной тачки, врезающейся в какой-нибудь магазин, а Ансару будет наплевать. Он вообще будет не до конца осознавать, как оказался в этой ситуации, потому что мозг начнет отключаться, провалы в памяти станут первыми признаками приближающегося обморока.

– Есть, – отрезала Стефания.

Все члены семьи выдохнули. Их вопросы наконец получили четкий ответ. Казалось бы, три месяца они желали обрести эту уверенность в том, что они не сошли с ума и что в этом доме действительно поселилось что-то. Вот только обретя этот ответ, они стали наполняться страхом, ведь в их доме поселилось что-то!

– Демоны не изобретают чего-то нового, они пользуются ровно тем же набором инструментов, что и человек, – объясняла Стефания. – И попытка лишением сна – одно из самых примитивных оружий, что они имеют в своем арсенале. Им требуется огромное количество энергии, чтобы проявиться в нашем мире. Он сделал это три месяца назад, чтобы напугать тебя, выбить из равновесия, посеять зерна недоверия, злобы и хаоса в вашей семье. Как только человек поддается этой провокации, он вступает в замкнутый круг. В семье начинаются раздоры. Ваши страхи, обиды, ненависть – всем этим он питается, копит энергию и тратит ее на более усовершенствованное устрашение. Начинает стучать дверьми и скидывать консервные банки. В ответ же вы дарите ему еще больше страха. Его сила растет в геометрической прогрессии.

– Но зачем? Что ему нужно? – кричал Ансар дрожащим голосом.

Он смотрел достаточно страшилок про демонов и дьявола, ответ был ему известен. Этот же ответ читался в сожалеющем взгляде странной гостьи.

– Я, да? Он хочет меня поиметь? – Ансар заревел.

Он осознал, что никакой пистолет ему в этом не поможет. Как и не помогал раньше. Он засыпал в притонах на вонючих матрасах в окружении наркоманов и шлюх, лишь бы не оставаться одному. Чем было больше людей, тем в большей безопасности он себя ощущал. Разумеется, среди пьяного ора и громкого смеха спать не получалось. Вернее, как сказала эта девушка, не получалось впадать в глубокую фазу сна. Он спал и слышал все, что происходило вокруг. Всегда был в пограничном состоянии, когда вот-вот уснешь, но удерживаешь себя, чтобы не провалиться в сон. Просто потому что на дне этой пропасти его ждала та тень. Он чувствовал исходящие от нее потоки ненависти и угрозы. Эта тень внушала ему страх гораздо хлеще, чем пистолет.

Вдруг на плечо легла рука. Ансар дернулся, но осознал, что это всего лишь гостья так незаметно подкралась к нему. Может, он уже начал отключаться?

– Нет, Ансар. Оно гонит тебя прочь из этого дома, – ответила Стефания.

– Что? – не понимал паренек.

Идрис резко встал.

– Я так и знал. Оно гонит нас всех отсюда. Это проклятое место, да? – спросил он обеспокоенно.

– Нам надо съехать! Умоляют тебя, давай переедем! – плакала Умма.

Стефания улыбнулась и произнесла:

– Нет.

А потом взглянула на самого юного из присутствующих – семилетнего Карима, который смотрел на нее во все глаза, но скорее из любопытства, чем из страха. Он – единственный, кто не понимал, что здесь происходит. Иногда детская наивность спасала от превратностей этого сложного мира. А иногда создавала кучу проблем.

– Сущности не селятся в пустых домах, им неинтересны неживые объекты, – объясняла Стефания. – Демоны лишь используют мебель, как инструмент запугивания вас. Страх ослабляет человека и на уровне тела, и на уровне души. Демоны – это такие же души, которыми обладают люди, просто с другой полярностью. Взаимодействие всего живого в мире происходит на уровне обмена энергией. Человек это средоточие огромного количества энергии, своего рода батарейка, которой можно питаться. И сущности крадут эту энергию. А у кого проще ее украсть? У сильного здорового человека? Или же у человека, ослабленного хворью?

Маленький Карим едва понимал странную тетю и продолжал крутить в руках машинку, а вот его родители внимали, не моргая.

– Со всеми вашими проблемами и невзгодами я не чувствую в этом доме агрессии. Вы любящие родители, заботливые, переживающие за своих детей. Вы чтите слово божие. Вы веруете. И именно поэтому вы – лакомый кусочек для бесов. Нет победы слаще, чем обратиться на темную сторону праведника.

Умма вкрадчиво спросила:

– Так значит кто-то из нас одержим?

– Еще нет, – ответила Стефания. – Но стал его целью.

С этими словами все снова взглянули на Ансара. Тот беспрестанно утирал слезы. С пистолетом за поясом, но все же дите.

– Почему я? За что? – вопрошал он и заикался.

– Нет, Ансар. Все как раз наоборот. Сущность боится тебя, потому что видит твою силу. Бес гонит тебя из дома, чтобы ты не мешал ему завладеть твоим братом, – произнесла Стефания.

Ансар замолк, постепенно осознавая смысл сказанного.

– Да, Ансар. Бес коварен.

– Но ведь Карим совсем маленький! – воскликнула Умма.

– Кариму семь лет. В этом возрасте уже сформирована большая часть моральных принципов и установлены нравственные ориентиры. Карим понимает разницу между добром и злом. Он знает, что коту приятно, когда его гладят. Но он также знает, что причиняет ему боль, когда таскает его за хвост. В этом возрасте дети уже умеют лгать: они знают, как вести себя, чтобы получить желаемое или избежать наказания. Карим обладает достаточным самосознанием, чтобы принимать решения, основываясь на моральном принципе. Он знает, что воровать печенье из буфета – плохо. И когда свидетелей его преступления нет, единственное, что может удержать его от этого поступка – собственный выбор.

С этими словами Стефания медленно подходила к мальчику, сидящему между родителями. Такой маленький и безобидный. Все это время он молчал, перебирая в руках машинку, и любого, не обладающего даром ясновидения, его поведение завело бы в заблуждение.

Стефания же смотрела на тень, стоявшую все это время точно позади мальчика. Эта тень испускала знакомый запах горелой плоти.

Почему Карим? Почему из всего семейства демон выбрал именно мальчика, а не подростка, так легко сбившегося с пути? Потому что со всеми своими гормональными проблемами и попытками разрешить их вредными зависимостями, Ансар обладал крепким внутренним стержнем. В отличие от старшего брата, Карим был хилым наивным и даже легковверным одуванчиком в одиноком поле, предрасположенным к нервным срывам и психозам. Легкая добыча.

– Расскажи мне о своем друге, Карим, – Стефания стояла точно над ребенком и смотрела на него сверху.

Доминирующая позиция должна напугать мальчика, чтобы он испустил больше энергии для считывания. Стефания пользовалась теми же методами, что и демоны – нет ничего проще, чем вывести человека из равновесия при помощи страха. А потому сейчас она чувствовала пульсацию дискомфорта вокруг Карима – энергия выходила из него толчками, и Стефания ее ловила.

Демоны и человеческие души – продукт одного состава, но разной полярности, а потому душа Стефании тоже умела красть энергию. И каждый день она стояла перед тем же моральным выбором, что и другие люди: украсть печенье или нет, погладить кота или побить, спустить крючок или опустить дуло. Демоны не имели над ней власти, а потому выбор ее всегда принадлежал свету.

Карим насупился и опустил глаза.

– Он сказал, что ты злая, – пролепетал детский голосок.

– Ну конечно, – закивала Стефания.

А потом обратилась к недоумевающим родителям.

– К сожалению, мне не достучаться до Карима. Он слишком мал, чтобы понять, что я хочу ему помочь.

Стефания ненавидела проводить процедуру над детьми. Ни один экзорцист не любил. Дети глупы, наивны, трусливы. Они не понимают серьезности проблемы. Скажи взрослому, что он одержим, и он выполнит все, что ты ему скажешь. Скажи это ребенку – он продолжит играть в машинки и общаться с бесом, потому что знает его гораздо дольше, чем странную тетю в черном.

– Дети в его возрасте легко внушаемы, – объясняла Стефания, – и боюсь, бес хорошо проработал его, так что доверия мне не добиться. И поэтому мне понадобится твоя помощь, Ансар.

Парень резко выпрямился.

– Твой братик очень привязан к тебе, и демон это знает. Поэтому он гонит тебя прочь из дома, пытается запугать своим появлением и летающими консервными банками. Чем больше ты боишься его, тем больше отсутствуешь дома. А бесам очень нужно время. Ему нужно накопить достаточно энергии для завладения душой. Время делает беса сильнее.

Стефания уже взором выбирала подходящую комнату для процедуры.

– Одержимый должен доверять экзорцисту, должен понимать, что экзорцист хочет ему помочь. Поэтому изгоняющим дьявола сегодня станешь ты, Ансар. Ты защитишь брата. Ты докажешь бесу, что твоя любовь к брату сильнее попыток нечисти завладеть его душой.

Стефания стерла с лица любой намек на улыбку, а вместо этого сурово взглянула на парня.

– Ты готов сразиться с бесом? Готов спасти своего брата?

2. Лев или кролик?

Дэмон – от др.-греч. δαίμων [даймон] «дух», «божество».

Стефания стояла в тускло освещенном коридоре, заполненном уже привычным ассорти из запахов. Запах был столь устойчивым, что превращался в однородный аромат подобно парфюму, сочетающему в себе несколько тонов. Только вместо цитруса, дерева и мускуса здесь была смесь из готовки, канализации и едреного пота. Вряд ли бы подобный аромат для дома пользовался популярностью, но для выросших в этих трущобах и внезапно соскучившихся по дому этот аромат точно служил бы машиной времени.

В трубке раздался родной голос с глубоким тембром.

– Да?

– Дядя Виктор?

– Да, Стефания?

Его голос всегда был полон доброты, когда он общался с ней. Иная интонация, иное ударение, иные окончания фраз – дядя любил племянницу иной любовью, нежели дочь. Более нежной. Таким трепетом охвачены люди, на чье попечительство оставлены чужие дети. Осознавая размер ответственности на плечах, они смотрят за сиротами похлеще, чем за собственными детьми. Уж не стало ли бунтарство дочери результатом этой иной любви?

– Мне нужно разрешение, – произнесла Стефания согласно протоколу.

В трубке повисло молчание.

– Тебе нужна помощь? – участливо поинтересовался он. Тоже соблюдая протокол.

– Нет. Я справлюсь.

Снова долгое молчание.

– У тебя есть мое разрешение. Да прибудет с тобой свет.

– Благодарю, дядя.

Формальный порядок соблюден, разрешение на обряд получено. Стефания спрятала телефон, перевязала волосы в тугий хвост и вернулась в квартиру.

Приготовления шли полным ходом. Идрис и Камал вычищали спальню от всего острого, твердого, незакрепленного: тумбы, столы, картины, люстры. Даже иконы под вопрошающий взгляд Уммы.

– В данных обстоятельствах иконы скорее угроза для жизни присутствующих, нежели помощь, – объяснила Стефания.

Хрестоматии содержали рассказы о том, как гибли экзорцисты от ударов летающих картин, крестов, икон во время процедуры. Даже маленькая фотография в рамке могла нанести роковой удар в висок. Во время процедуры демоны мечутся в агонии и швыряются всем, что под руку попадет. Излюбленное орудие у них – утка с экскрементами из-под кровати одержимого, ослабленного присутствием демона.

– Что вам понадобится? – участливо спросил пастор Лютер.

В руках он держал томики библии, кресты, бутылочки со святой водой – все, что принес собой и нашел в квартире. Стефания улыбнулась и ответила:

– Мне ничего не нужно. Используйте их сами, если они добавляют вам веры.

Все тексты молитв экзорцисты знали наизусть. С этих текстов ее начали обучать чтению.

– Это все бесполезно? – удивленно спросил пастор.

– О, вовсе нет, – замотала головой Стефания. – Религиозная атрибутика обладает мощью, если находится в правильных руках. Но, как я уже сказала, без энергии веры это – пустышки. Просто книга. Просто крест. Просто вода.

– Я читал свидетельства очевидцев, которые утверждали, что святая вода обжигает одержимого, – растерянно произнес пастор.

– И я несколько не сомневаюсь в правдивости тех свидетельств. Если священник верит в то, что святая вода обладает божьей мощью, то вода действительно хлестанет по бесу. Но если я наберу два стакана воды: одну из церкви, другую из крана – и забуду о них, то бес выпьет оба стакана и не почувствует разницу. Человек, вернее его душа – катализатор. Как наблюдатель в опыте Юнга³. Мы входим в контакт с объектами, воздействуем на них через органы восприятия, через мысли и через веру. Я должна верить, что вода святая.

Пастор задумался.

– Значит ли это, что если я поверю, что в стакане не вода, а вино...

Стефания рассмеялась. И этот смех показался таким неуместным. Будто они не готовили спальню к обряду изгнания демона, как будто этот демон сейчас не стоял позади Карима, и как будто предстоящая битва ее совсем не пугала.

– Говорят, у Иисуса получилось. Сейчас уже не проверить. Но вы практикуйтесь на досуге, – ответила она, смеясь.

Пастор улыбнулся. Он был наслышан об истинных экзорцистах, но ни разу не сталкивался с ними лично. Да что уж говорить, он никогда не обращался к Епископату экзорцистов за помощью. Стефания разбивала в пух и прах все надуманные страшилки об этих благородных клириках. Она была далека от нарочитой набожности, религиозной суровости или монашеского аскетизма. Она скорее была доброй и милосердной миряночкой, преисполненной уверенностью в существование Бога.

В спальне продолжалась перестановка. Камал и Идрис постоянно выносили что-то в коридор подъезда, чем вызывали удивление соседей. Из-за тонких стен вскоре весь квартал узнает, что в этой квартире происходит нечто ужасное. Люди станут звонить в полицию, но никто сюда не приедет, пока обряд не закончится. Правительство никогда не вмешивалось в обряд. На ближайшие несколько часов этот дом станет слепой зоной, невидимой ни для одной из служб спасения.

– Так, значит, вы даже не носите крест?

К беседе присоединился Ансар, все это время сидящий в одиночестве на диване.

– К сожалению, моя вера небезупречна. Я тоже подвержена предрассудкам.

С этими словами Стефания продемонстрировала свой браслет, на котором висел медальон.

– Это Святая Стефанида. Она помогает мне побороть страх.

– И это все? Нужно лишь перестать бояться? – недоверчиво спросил Ансар.

– Побороть страх не так просто, – объясняла Стефания. – Страх – это физиологический рефлекс организма, запускающийся инстинктом самосохранения, а контролировать свои инстинкты подчас невозможно. Страх помогает тебе избежать опасность. Например, мы обладаем врожденным страхом перед темнотой, потому что не имеем ночного зрения. Наши предки были добычей ночных хищников, и, чтобы помочь нам выжить, эволюция наделила нас рефлекторным отторжением тьмы. Нас пугает неизвестность, которая таится во тьме, ведь там может прятаться хищник. Именно поэтому бесы показываются людям преимущественно ночью.

– Хотят нас запугать, как хищники, – произнес Ансар, все больше понимая врага, с которым придется сразиться.

Стефания кивнула.

– Страх запускает в организме ряд химических реакций.

---

³ Опыт Юнга – эксперимент на двух щелях, когда электроны прекращают проявлять свою волновую природу, проходя через щели, если рядом поставить измерительный прибор. Отсюда в [квантовой механике](#), «наблюдение» является синонимом [измерения](#), «наблюдатель» – синонимом [измерительной аппаратуры](#), а [наблюдаемое](#) – с тем, что можно измерить.

Ансар оживился, когда услышал слово, связанное с предметом, что вызывал у него интерес.

– После определения стрессовой ситуации гипоталамус выделяет в кровь кортикотропин, который достигает надпочечников, а те в свою очередь начинают производство адреналина и норадреналина. Их еще называют «гормон кролика» и «гормон льва». Эти гормоны помогают организму адаптироваться к стрессу и принять верное решение: либо бежать, либо атаковать.

В кухне заплакал Карим, сидящий там с Уммой и ожидающий, когда за ним придут.

– Взрыв химических реакций истощает организм, – Стефания продолжала, словно не слышала пронзительного плача. – Гипертония, атеросклероз, нарушения сердечно-сосудистой системы – все это провоцируется интенсивным расходом биологических ресурсов, которые организм тратит на то, чтобы противостоять страху и вернуть человеку самообладание. Страх бьет по всем слабым местам человеческого иммунитета. Там, где тонко, там и рвется. Добавь сюда пытку депривацией сна и ты получишь легкую мишень.

– Значит, чем больше я боюсь, тем больше я болею?

– И тем слабее ты становишься перед бесом.

– В здоровом теле здоровый дух.

Стефания улыбнулась.

– А ты очень смысленный парень, – сказала она.

– Значит, нужно не только не бояться, но и быть типа ЗОЖником, что ли?

Стефания ухмыльнулась.

– По крайней мере, нужно хорошо спать и хорошо питаться. Гигиену тоже неплохо было бы соблюдать.

С этими словами Стефания ткнула пальцем на пятна на толстовке Ансара.

– Здоровая гармония души и тела очень важна для благосостояния человека. Нельзя сказать, что одно важнее другого. Ведь не зря бесы хотят обладать и тем, и другим.

Пастор Лютер слушал Стефанию с неменьшим вниманием, нежели Ансар, и уже делал в уме наброски будущей проповеди на субботней службе.

Ансар же погрузился в самобичевание. Он понял, что все это время действовал согласно плану беса. Его младший брат попал в руки нечисти, а Ансар эгоистично считал, что его обидели. Вместо того, чтобы остаться и помочь маленькому Кариму справиться, он трусливо сбежал, упиваясь горем и жалостью к самому себе. Пугливый кролик с комплексом жертвы.

Ансар подарил бесу время. Сам. Сам отдал ему все шансы и возможности, чтобы впитать как можно больше энергии и окрепнуть.

Ансар вырастил беса своей трусостью.

– Не вини себя, – произнесла Стефания, чувствуя пульсирующие волны ненависти Ансара к самому себе.

Ей, как никому другому здесь, был известен вред чрезмерных угрызений совести. А ведь Ансар со стойким самообладанием, со своим крепким внутренним стержнем был нужен ей больше остальных.

– По какой-то причине из всех членов семьи больше всех демон боится именно тебя. И гонит прочь только тебя.

Ансар нахмурился еще больше, в глазах блестели слезы.

– Но почему? – спросил он дрожащим голосом.

– Он видит в тебе силу. Я думаю, это потому что Карим видит тебя таким. Он видит в тебе гораздо больший авторитет, нежели в родителях. Ты для него пример поведения, он подражает тебе, доверяет больше, чем кому-либо.

Ансар больше не мог сдержаться. Слезы посыпались жемчужинами из его глаз, он быстро стер их, но они продолжали топтать дорожки по его грязным щекам.

– Теперь понимаешь, какая ответственность лежит на тебе? – продолжала давить Стефания. – В твоих руках теплится целая душа твоего брата. Оберегай ее.

Из спальни вышел Камал.

– Кажется, все готово. Посмотрите сами, – позвал он.

Стефания протянула руку Ансару и спросила:

– Кем ты сегодня будешь, Ансар? Кроликом? Или львом?

Ансар вытер лицо рукавами толстовки, посадив на нее размазанные грязевые пятна.

– Львом! – твердо ответил он.

И взял Стефанию за руку. Вместе они вошли в спальню.

Ей понадобилось еще около десяти минут, чтобы тщательно изучить комнату на наличие опасных предметов, которыми бес мог им навредить. Идрис и Камал выполнили все, что она просила. В комнате осталась лишь кровать. Окно было забито полотном двери. Лампочки выкручены. Только после этого Стефания разрешила внести мальчика.

Карим плакал, не переставая. Причин тому могло быть множество: от страха до физических болей. К этому моменту бес уже все понял.

Запах горелой плоти стал интенсивнее. И это было не жаркое из мяса из соседних квартир.

– Привяжите его, – произнесла Стефания.

– Я могу его подержать! – воскликнула напуганная мать.

Она плакала, не переставая, и Стефания понимала, почему бес не видел в ней угрозу. Умма могла даже стать препятствием. Это еще одна естественная реакция организма. На этот раз материнского. Ни одна мать не останется равнодушной к боли собственного дитя. В хрестоматии по детскому экзорцизму истории о том, как матери прерывали обряд в самый критический момент, занимали девять глав из десяти.

У Стефании был обожаемый кот, ненавидящий ветеринаров. В один из приемов ему брали кровь на анализ силами четырех врачей и специальных перчаток.

– *Я его подержу!* – воскликнула тогда Стефания, не в силах больше выносить крики кота.

А в следующую секунду поняла, что ничем не отличается от матери одержимого.

С тех пор Стефания отдает одержимого Люсика ветеринарам, а сама выходит из кабинета, оставляя того в заботливых руках.

С Уммой следовало поступить также, но здесь было слишком мало взрослых.

– Вы его не удержите, – холодно ответила Стефания.

По интонации в голосе Умма поняла намек. Либо остаешься и делаешь все, что скажут, либо выйдешь.

Пока ревущего Карима привязывали к кровати по рукам и ногам, Стефания обратилась к Ансару.

– Самая важная часть процедуры зависит от тебя, Ансар.

Юнец взглянул на Стефанию хмурым, но решительным взглядом.

– Когда я скажу тебе, ты начнешь рассказывать Кариму истории.

– Какие?

– Истории из вашей жизни. Веселые истории. Истории, наполненные добротой и любовью.

– Это самое важное?

– Кариму будет очень страшно. А еще ему будет очень больно. И он спрячется глубоко-глубоко в своем теле. Его нужно будет достать оттуда. И путь обратно для него проложишь ты. Он пойдет на твой голос. Зови его вот отсюда.

Стефания положила руку на сердце парня. Тот глубоко вдохнул и быстро кивнул.

Стефания улыбнулась. Сегодня ей достался смелый помощник. Она наконец почувствовала силу, которую боялся демон.

Под слезные завывания матери Карима привязали к кровати. Мальчик брыкался и истошно вопил. За ручьями слез и взываниями к матери экзорцист видела лишь панику демона.

Рука с серебряным браслетом, на котором висел образ Святой Стефаниды, вытянулась вперед, вызывая демона на контакт.

В тот же момент Карим резко замолчал и пристально уставился на Стефанию зареванными глазами.

– К славе Твоей, Господи и Создатель всего, взываю. Явил, Ты, в мире украшенных добродетелью страстотерпцев и мучеников, чтобы обрели они победу над тьмой, – произнесла Стефания.

Тело Карима стало медленно выгибаться, как будто в нем просыпалось невидимое чудовище. Мальчик изогнул спину, неестественно вывернул кисти рук и сел в кровати.

– Назови мне имя свое и ступай с ордой в тот мир, из которого пришел, и по неизвестной мне причине проник в душу раба Божьего.

Карим продолжал неподвижно сидеть и исподлобья смотреть на Стефанию, как обиженный ребенок, у которого украли игрушку. Тень вокруг него стучалась.

– Назови мне имя свое и ступай прочь из мира сего, закрою дверь за тобой с Его помощью, имя Его да зазвучит в уме и сердце раба Его – Карима.

Истинный экзорцист обладает силой, способной вызвать бесов из тени. Это как неконтролируемая саливация при виде лимона – условный рефлекс на присутствие энергии экзорциста. Души с разной полярностью притягиваются, как разные полюса магнитов. Вечная борьба света и тьмы сама стремится к логическому разрешению противостояния.

Вот и сейчас бес не заставил себя долго ждать. Из груди мальчика стали раздаваться глубокие перекаты созревающего смеха. Присутствующие удивленно поглядывали то на Стефанию, то на Карима. Они никогда в жизни не слышали подобных звуков от мальчика. Те, кто до сих пор терзался сомнениями, преисполнились верой.

А потом бес заговорил басовитым рокотом взрослого мужчины:

– *Amar naval bae'libo an Elohim hish'hitu vae'hit'ivu avel an osae tov*⁴.

Пастор изумленно взглянул на Стефанию.

– Это арамейский? Мальчик не может знать столь древний язык! – прошептал он.

Стефания кивнула пастору.

Союз потустороннего голоса и детской физической оболочки нагонял ужас на присутствующих. Мысль о том, что невинное дитя может стать пищей чудовища наполняла отчаянием и страхом за этот мир. Ведь какое будущее может быть у мира, где дети служат оружием?

– *Демоны не изобретают чего-то нового, они лишь пользуются тем, что человек создает сам. Если человек сам поднимает руку на ребенка, пользуется его слабостью, убивает, то и демоны будут потрошить их. Мы сами открываем двери демонам своими поступками, сами вручаем им орудия, – учил дядя Виктор.*

Когда мы причиняем боль детям, мы сами даем демонам плоть, которой они кормятся.

Стефания ответила, продолжая псалм:

– *Elohim mi'shamayim hishkif al bene Adam li'r'ot ha'yesh maskil doresh at Elohim*⁵.

Возраст демона напрямую влиял на его силу: чем древнее демон, тем он сильнее. Этот демон жил во времена Иисуса и Римской Империи.

И словно в подтверждение догадок, демон произнес на латыни:

---

⁴ С арамейского: Сказал негодный в сердце своем: «Нет Бога! Исказали, неправедным оскверняли, никто не делает доброе» (Теилим, Псалом 53 «Плач о греховности человека»)

⁵ С арамейского: Бог с небес взирает на сынов Адама, чтобы видеть, есть ли разумеющий и вопрошающий Бога. (там же)

– Diabolus dixit ei: omnia regna mundi, et gloriam eorum Hæc omnia tibi dabo, si cadens adoraveris me⁶.

– Vade Satana: Scriptum est enim: Dominum Deum tuum adorabis, et illi soli servies⁷, – отвечала Стефания.

Она могла вести с ним беседу на многих языках, в том числе и на древних. Экзорцисты обязаны быть полиглотами, чтобы вступить с демонами в беседу и попытаться обратить их в сомнение, в страх перед силой изгоняющего. В трепет перед светом.

– Мой Бог, единый Бог... – зарокотало глубокое рычание в глотке мальчика, – Сатана! Стефания чуть погремела медальоном на браслете.

– По-доброму прошу. Ведь знаешь, что проиграешь, – сказала она.

Но бес лишь улыбнулся губами мальчика. Они редко уходили по-доброму. Если уж их постигла неудача в лице нашедшего их экзорциста, то они хотели хотя бы отыграться на жертве – причинить как можно больше боли носителю перед изгнанием. Что-то вроде «ни мне, ни тебе», и экзорцист ничего не мог с этим поделать.

Стефания тяжело вздохнула, приготовившись к схватке.

В следующую секунду Карим завопил и резко изогнулся на кровати. Послышался хруст суставов.

Пастор Лютер тотчас же залепетал:

– Отче наш, сущий на небесах! Да святится имя Твоё; да придет Царствие Твоё; да будет воля Твоя и на земле, как на небе...

Идрис упал на колени, сложил ладони и подхватил молитву пастора. Умма зажала рот рукой, рыдая от боли сына, будто сама ее испытывала. Камал стоял в стороне, готовый броситься по первому приказу экзорциста. Ансар стоял подле Стефании, крепко зажавшую его ладонь. Он не мог помочь братику и только беззвучно плакал, наблюдая за его мучениями.

Карим продолжал вопить, извиваться в кровати, выворачивать суставы из привязанных запястий, а потом зашелся в кашле, изо рта вырвался фонтан крови и обрызгал облезлую стену за изголовьем.

– Сделайте что-нибудь! – закричала Умма.

Стефания делала.

Она закрыла глаза, сосредотачиваясь на энергии, что вбирала из всех вокруг. Потoki разного спектра окружили Стефанию, а потом сливались с самой ее сердцевиной, где сверкала ее душа, точно бриллиант на солнце. Синеватое свечение отцовской любви сливалось с розовым страданием матери и вливалось единым теплым ручьем в грудь. Сила веры пастора светилась красным, обжигала и питала интенсивнее остальных. Храбрость Камала, его решительность броситься в атаку на самого беса ради защиты племянника впивалась в конечности, как острые иглы, они проникали в кровь и достигали средоточия энергии внутри Стефании, присоединяясь к многоголосому хору чувств.

Стефания сильно сжала ладонь Ансара.

– Чувствуешь? – прошептала она.

Ансар чувствовал. У него захватило дух, он едва мог дышать от необъяснимой переполненности. Ком застрял в горле, как будто он хотел рыдать, но не рыдал. Сердце упало вниз, как если бы он сорвался в пропасть, но он продолжал стоять на месте. Волосы встали дыбом, как если бы мимо него пронесся ледяной ветер, но он по-прежнему ощущал теплую ладонь Стефании. Потoki энергии подхватили Ансара, он почувствовал, что воспаряет, и не понимал, правда это или только кажется. Реальность смешалась со сном, все пространство вокруг виб-

---

⁶ С латыни: Дьявол говорит: все царства мира и славу их – всё это дам Тебе, если, пав, поклонись мне. (Евангелие от Матфея, 4.9)

⁷ С латыни: Отойти от Меня, Сатана, ибо написано: Господу Богу твоему поклоняйся и Ему одному служи. (Евангелие от Матфея, 4.10)

рировало, сверкало искрами, говорило с ним... И все его нутро отвечало этой загадочной силе такой теплой, нежной, успокаивающей и в то же время побуждающей к борьбе, пока его душа наконец не закричала во всю мощь своей сути:

«ВЕРЮ!»

Его безмолвный крик был услышан Стефанией, и она поняла, что ее главное оружие заряжено – Ансар готов.

– Призываю Бога Всемогущего на изгнание злых и лукавых бесов из раба Божьего Карима. Освободи его от всякого действия нечистых духов, повели злым и нечистым духам и демонам отступить от души и тела его, не находиться и не скрываться в нём. Да удалятся они от создания рук Твоих Во имя твоё святое и единородного Твоего Сына, И животворящего Твоего Духа.

Слова лились из Стефании, выстраивая мост, по которому накопленная энергия вырывалась из ее тела и яростным потоком атаковала сущность, засевавшую в хрупком детском теле.

Яркие белые лучи, невидимые человеческому глазу, но видимые экзорцисту, вонзились в темную сущность и решетили беса, как пули. Фотоны проходили сквозь темную материю, расщепляли ее, как капля воды смывает акварель. Черные частицы беса вспыхивали светом и взрывались, уносясь прочь в пространстве и времени. Столкновение разных полюсов заряжало нейтроны в воздухе вокруг, отчего атмосфера медленно электризовывалась, как нарастающая гроза.

Карим ревел голосом чудовища. Его тело сотрясала дрожь, конечности с хрустом выбивались из суставов – демон избивал марионетку, мстя за причиненную ему боль. Лоскуты простыни, привязывающие его руки к кровати, стали скрипеть. Камал бросился к мальчику и прижал того к матрасу, за это Карим изрыгнул на него кровавую рвоту. Камал ослабил хватку. К нему присоединился отец и прижал Карима с другой стороны. Демон же в ответ изрекал долгие проклятья в адрес мужчин.

Карим испытывал нестерпимые режущие боли – демон привязался к нему на уровне энергий. Душа Карима на некоторую долю стала частью демона, и рассечение двух сущностей было сродни операции без анестезии.

– О Господи Всемогущий, Боже Великий, Царю Небесный, услышь прошение душевное раба Божьего Идриса. Пошли мне на помощь Своего воина сильного Архангела Михаила, сокрушителя демонов. Обращусь я к нему с просьбой искренней...

– О, великий Михаиле Архангеле, Ангел шестикрылый, первый князь и воеводе все небесных сил, Херувимов и Серафимов! Стань его настоящим помощником. Не покидай его в пустынях, на путевых распустьях, на реках и на морях, стань его тихим пристанищем! Избавь его, Святой Архангел Михаил, от влияния дьявольского...

– Пречистая Дева, Царица Небесная, сохрани от воздушных тревог и бесовских наваждений в темноте, ибо верую по молитве сей святой священномученика Киприана. Силою Животворящего Креста Господня и Святой Троицы да погубит посрамит и уничтожит всякое зло, исходящее из злого сердца и лукавства нечистой силы, и спасет нас от сетей сатаны молящийся всюду молитвами Пречистой Матери и Светлых небесных сил бесплотных: Архистратига Михаила, Гавриила, Рафаила, Сатаваила, Игуасила Варахаила и Ангела-хранителя моего...

Каждый из присутствующих читал те молитвы, что знал. Они искренне верили, что слово божие добавляет сил мальчику, добавляет сил Стефании. Речь – продукт работы артикуляционного аппарата, с биологической точки зрения это всего лишь взаимодействие голосовых связок, языка и губ. Но смысл, заключенный в слова и фразы, обогащенные верой в величие божественного, заполняют эту биологическую пустышку энергией.

Парадокс: нейтральный объект приобретает заряд рядом с верующим. Чем больше верит человек, тем больший заряд придает объекту. Животворящие кресты, иконы, образы – все

это неодушевленные объекты, наделенные огромным энергетическим зарядом от верующих, которые верят еще сильнее, свидетельствуя чудеса, что происходят возле чудотворных образов, не осознавая, что сами продуцирует эту энергию.

Молитва – как линза, усиливающая солнечный свет, концентрирующая мощь света пока он не обретет достаточно сил, чтобы сотворить пламя.

Пастор Лютер окропил Карима святой водой, и та зашипела на теле мальчика, обжигая прячущегося беса. Карим вопил, рыдал, умолял прекратить, звал маму. Но Камал силой удерживал Умму у своих ног, прижимая ее плечи к полу, заставляя ее игнорировать плач сына и продолжать молиться.

Постепенно энергия духа теряла равномерность, он чувствовал, как исчезает из этого места и этого момента времени, и он прибег к последней отчаянной попытке самообороны.

Черные брызги вырвались из нутра сущности, словно в нем взорвалась бомба. Каскады энергии насквозь пробили заколоченное окно, щепки досок разлетелись в стороны, осколки стекла вылетели наружу. Темные потоки взрывной волны свалили присутствующих с ног. Камал схватился за лицо, чувствуя как хлестанули тысячи кинжалов, по лицу потекла кровь. Идрис схватился за грудь, из которой выбило воздух, и делал рваные вдохи, валяясь на полу. Умма припала к полу, закрывая голову изрезанными руками. Пастор Лютер сидел подле нее и продолжал шептать молитвы. И лишь Стефания с Ансаром остались стоять, выдержав атаку темной силы. Свет Стефании был слишком ярк, темная энергия не смогла его заглушить.

По всей квартире стали летать предметы, движимые энергетическим вихрем: столкновение разнополярных энергий создавало невидимый смерч вокруг, сердцевиной которого являлось противостояние экзорциста и древнего демона.

Весь квартал стал свидетелем обряда. Пронзительные крики Карима, звуки бьющейся мебели, необъяснимое землетрясение в доме в городе, который никогда не был жертвой подобного природного явления. Да и землетрясение было странным: земля стояла на месте, а вот мебель вибрировала. Слабые жилищные коммуникации прорвались ровно по местам трещин, подвал дома стало затапливать канализационными отходами, в квартирах лопались трубы водоснабжения, взрывались радиаторы отопления.

Чуя нарастающий запах чего-то горелого, люди стали звонить в пожарную и спасательную службу, ближайшие соседи квартиры номер шестьдесят три – в полицию и скорую, понимая, что за стенами происходит резня. Диспетчера служб честно выполняли свой долг, принимая сообщения и отправляя в распределительный центр, где они пропадали в информационном ворохе. Никакая из служб не могла помочь им сейчас. Службы получают эти сообщения, только когда пресвитер Виктор доложит в Епископат об успешном окончании сеанса.

Энергетический обстрел демона продолжался уже долгое время, и Стефания поняла, что все меньше сплетенных мест оставалось между двумя разными душами. Бес постепенно отлипал от Карима, как игрушечный лизун – от стены.

Начиналась важная фаза. Душа Карима, ослабленная бесом и физическими страданиями тела, потухала, стремясь спрятаться в укромный уголок мироздания на границе между миром духовным и миром физическим. В последнем это означало кому.

– Ты готов, Ансар? – спросила Стефания на выдохе.

Ансар сидел у ее ног, продолжая держать за руку. Все это время он плакал, наблюдая за тем, как кричит его младший брат, как он зовет его на помощь, как просит их прекратить, но потом из него вырывался басовитый хриплый голос, ревуший на неизвестном языке. Почему-то Ансару казалось, что демон матерится, хотя он ни слова не понимал. Просто Ансар сам любитель сквернословить, он знает, как звучит гнев словами.

– Ансар! – снова позвала женщина.

Ансар взглянул на экзорциста. Ее веки трепетали, грудь быстро вздымалась, лицо покрылось потом, а прямые длинные волосы, собранные в хвост, распушились и торчали в разные

стороны. Он и сам чувствовал ток, бегущий по его телу. Иногда его ладонь, накрепко сцепленную с ладонью женщины, больно покалывало, а потом эти иголки разбегались руке, впивались в суставы, разносились по всему телу так, что ему казалось, что он видел искры на пальцах противоположной руки.

– Готов! – крикнул Ансар.

Она не ответила, но он услышал ее команду в своей голове. И тут же начал кричать:

– Карим! Помнишь, ты упал с дерева во дворе и растянул лодыжку? Я тогда тебя в больницу нес на спине, потому что боялся, что мама нас наругает. Мне не хотелось, чтобы она узнала о том, что я провалил свое задание и не присмотрел за тобой, как следовало. А ты... ты меня прикрыл. И никогда никому так и не рассказал об этом!

Стефания видела тот день. Она проникла уже достаточно глубоко, чтобы соединиться душой с присутствующими.

Вечер. Родители на работе. Братья гуляют во дворе. Ансар не смотрит за братом, он флиртует с девчонкой из соседнего подъезда. Крик Карима. Братик лежит на земле и держится за лодыжку. Он беззвучно плачет. Нет денег на автобус. Осознание того, что родители разозлятся. Ансар несет брата до медпункта. Все то время, что ждет в приемной, он винит себя, потому что боится, что мать его закроет под домашний арест. И лишь вечером, когда он уже лежит в кровати, Карим говорит ему, что никому ничего не расскажет.

Так Ансар осознал ценность братской верности.

– Помнишь, наша соседка Роза потеряла кошелек на улице и на целый месяц осталась без пенсии? Ты ей все свои карманные отдал, и мои тоже. Я тогда накричал на тебя, но сейчас понимаю, что был неправ!

Мама принесла пожилой соседке две пачки макарон и несколько килограммов картофеля – это все, чем она могла поделиться. Карим с ней, он незаметно подкладывает на стол деньги, что вытащил из своего носка и из-под матраса Ансара. Роза так и не узнает, что это был подарок от мальчиков, а не от Уммы. Ансар кричит на Карима, толкает его и убегает из дома.

Лишь сегодня при виде страданий брата Ансар достиг озарения. Он больше не хочет воровать. Он хочет отдавать. Так Ансар познал ценность щедрости.

– Помнишь, ты отважно бросился на питбуля этого безмозглого Адедайо, который травил собаку на соседского кота Базилио? Питбуль тебя на голову выше был, но ты не отдал кота на растерзание! Ты храбро отстоял того малыша! Базилио до сих пор приходит к тебе каждое утро по карнизу и влезает в окно, чтобы выпить молока из твоих хлопьев. Мама все время ругается, а ты продолжаешь его кормить.

Ансар плакал, вспоминая все это. Его мучили угрызения совести. Карим и то больше понимал, что такое ответственность за братьев наших меньших, нежели его старший брат.

– Больше никогда, слышишь? Никогда не дам тебя в обиду! Всегда буду твоей самой сильной опорой! Всегда поддержу! Всегда прикрою! Обещаю быть твоим самым близким другом и никогда не брошу! Отныне я всегда буду рядом! Я клянусь тебе, Карим! Я всегда буду рядом!

Эмоции переполняли Ансара, он плакал, путался в словах, иногда его было не понять из-за соплей. Но Стефании нужна была его энергия. Чистая безгрешная энергия прозрения и раскаяния, которую она продолжала вливать в тело Карима.

И наконец демон, ослабленный энергетической атакой, стал ослабевать. Карим возвращался в тело, идя на зов брата. Ему так хотелось поверить Ансару, а еще так хотелось, чтобы брат вернулся домой и все стало так, как было раньше. Карим хотел обрести брата, которого жизнь в этих тущобах жестоко отобрала, он хотел верить в клятвы, что давал ему Ансар. Он хотел дать шанс этой жизни доказать, что в ней есть добро, и милосердие, и Бог.

Стефания чувствовала, как мальчик все больше выходит наружу. Карим уже не вопил, перестал брыкаться и выкручивать суставы – демон постепенно оставлял плоть. Вихрь вокруг утихал, мебель падала на пол в беспорядке.

Вдруг Карим сел в кровати, вонзил в Стефанию пристальный взгляд и прошипел:

– Он ждет тебя...

Сердце Стефании упало в пятки, и она ослабила хватку, но тут же спохватилась и снова вытянула вперед руку с гремящим браслетом, нанося заключительный поражающий удар:

– К славе Твоей, Господи и Создатель всего, взываю. Явил, Ты, в мире украшенных добродетелью страстотерпцев и мучеников, чтобы обрели они победу над тьмой!

Ее крик оглушил всех. Он раздался в самом мозгу, в сердце, в душе. Казалось, что они слышали его всю жизнь, как будто крик этот пронесся сквозь время и достиг их ушей, едва они показались из материнской утробы в этом мире.

Белый свет нарастал, распирая комнату, квартиру, дом, само пространство. Свет заполнил все вокруг. На долю секунды длиной в вечность все они ослепли, оглохли и вылетели из своих тел, прекратив чувствовать что-либо кроме этого плотного теплого света, наполненного чистотой и верой.

– Он ждет тебя...

А потом все взорвалось.

3. Пришел демон в этот мир...

Поедатель грехов – человек, который в ходе особого ритуала, распространенного в Великобритании, съедает во время похорон лежащий на груди покойника кусок хлеба и запивает вином, тем самым забирая себе его грехи. Похожие ритуалы имелись в разных уголках мира. Отголоски этого ритуала дошли до наших дней в виде поминок.

Прекрасное тело... изящные изгибы, белоснежная кожа, упругие мышцы. Ее тело так резко контрастировало с тем куском разлагающегося мяса, висящим всего в метре от нее, что он почти рыдал. Нечто божественное и совершенное столь по-варварски нещадно пало жертвой увядания и гниения, как будто у бога был заключен жестокий договор со смертью на пользование плотью. Жизнь олицетворяла в ней все чудесное, очаровательное и почти волшебное, в то время как смерть, словно насмехаясь, изощрялась во всех оставшихся ей процессах разложения и уничтожала этот свет так жестоко и с таким глумлением.

Скоро и ее тело пойдет по тому же пути. Он чувствовал это. Осталось совсем недолго. За многие годы он научился распознавать этот критический момент перехода, когда света во плоти становится меньше тьмы ровно наполовину, а потом, как размеренное падение ртути в градуснике, уровень света будет опускаться все ниже, оставляя место гниению и гибели.

Она дернулась. Восхитительно! Свет все еще пробивался через дрожь нервов, судорогу мышц, как отчаянные попытки кролика избежать смерти. Он видел, как они дергали лапами, пока отец тащил их за уши на разделочный стол. Он помнит безнадегу в их глазах, жуткий страх, осознание конца в последнюю секунду, когда топор взметался вверх.

Он был ребенком. Но он все помнит.

Он помнит.

«Вонзи нож ему точно в глотку! Режь, говорю! Господи, что за размазня! Что за рохля мне достался!»

Крик отца доносился до его ушей даже спустя пятнадцать лет. Сердце начинало трепетать рефлекторно в ответ на красочные воспоминания детства, наполненные гневными окриками, оплеухами, вонью грязного тела старика, пропитанного спиртом и потом. Он как будто до сих пор находился там, в том бесконечном моменте времени, где довлеет страх перед грозной фигурой отца и где жалобно воеет обида на эгоистичную мать, страдающую оттого, что эти двое не перестают мучать ее, причиняя боль своими поступками.

«За что вы так со мной? Чем я заслужила?!»

Рыдала она, ходя по дому, пока пьяный отец избивал сына ремнем со стальной пряжкой.

Да. Они все еще здесь. Пусть и стали призраками прошлого, но насилие, что он пережил, навсегда осталось с ним. Оно стало частью его личности, срослось с ним так, что без этой боли и обиды он не мыслит себя. Не представляет, что есть другая жизнь, не видит другие жизни правильными. То, что он имел в детстве, что имеет сейчас – единственно верный способ прожить эту жизнь.

Глаза несчастного кролика, запертого в клетке сарая, их выражение ничем не отличалось от выражения глаз его жен.

Да. Ему нравилось называть их женами. Тела становились роднее, их потеря ощущалась острее, как будто за тот короткий промежуток времени, что длилась борьба между жизнью и смертью, они сближались интимно.

Они рассказывали ему о своей жизни: начинали всегда стандартно – с общего резюме, как будто он принимал их на работу; но со временем рассказы их становились все глубже и захватывающее. Наверняка он стал хранителем сокровенных тайн, к которым допущены лишь самые близкие. Ему нравилось в это верить. Эти детали добавляли остроты их отношениям,

как специи добавляют пикантности мясу. Пикантность – с французского *piquant*, что означает «колющий». И это так точно описывало их отношения.

Он вертел в руках нож, уже противно теплый, скользкий от пота. Приходилось часто мыть руки, потому что ему нравилось ощущения холодной стали, этот резкий контраст между телом человека и холодом острия. Он вонзал в них лезвие медленно, закрыв глаза. Ощущал каждый миллиметр рассекаемой плоти, представляя, как лопается кожа, сосуды, вены, пока не упирался в кость, которая служила для него своего рода естественным барьером, чтобы не нарушал границу между двумя разными государствами: жизнью и смертью. Чем глубже прокол – тем быстрее жена умрет.

Ему этого не хотелось.

Их отношения должны перерасти в близость душ, чтобы обрести сокровенную ценность. Он должен полюбить жену так, чтобы рыдать над ее мертвым телом, поедая над ней хлеб с вином. Он пожирал их грехи, подобно средневековому ритуалу, о котором вычитал в детстве. Что-то нашел он в этом. Что-то зацепило. И лишь после первой жены, над телом которой он провел трапезу, он осознал, что достиг катарсиса: он заедал грехи матери, которая никогда не вставала на защиту сына. Все встало на свои места. Он понял, откуда взялась эта потребность построить нетипичные отношения с женами: они, как и его мать, должны прожить жизнь, полную физической боли и душевных страданий, от которых он милосердно избавит их и любовно съест их грехи, чтобы они попали в рай.

Ведь он не изверг. Не чудовище. Он заботится о спокойствии их душ.

Близость требует откровенности с обеих сторон. А потому он относился к женам, как к равным, он уважал их. А потому в ответ на их интимные истории жизни, рассказывал свои. Рассказывал то, что не рассказывал больше никому. Ему хотелось раскрыть перед ними свою душу до дна, что было честно. Только так он мог очиститься: через полное откровение, которое требовало своей жертвы. Его секреты уносились в мир душ.

Ведь жены никогда не покидали подвал живыми.

Ну чем это не брак? Пусть он не заключен на небесах или при свидетельстве бога, но такой брак совершенно точно глубже и крепче, чем те, что заключают эти бездушные потребители вокруг, живущие по законам развлекающего телевизора. Его браки совершенно точно здоровее того, что был между его родителями.

Брак до конца. Брак до могилы. Жены умрут, унеся с собой его секреты. Он съест их грехи, а потом однажды покинет этот мир, унося с собой последние моменты их жизней.

Его нынешняя жена – красавица Мария – все еще продолжала нести груз его секретов, как верная спутница. Одна лишь мысль об этом возбуждала. Жаль, что она больше не приходила в сознание за последние два дня – беспощадная тьма все больше побеждала. Он больше не мог прикоснуться к ней, как раньше. Но тем не менее не оставил свою традицию класть свежую белую гвоздику у ее ног, висящих в паре сантиметров над уровнем пола. В течение дня кровь стекала с тела женщины, окрашивая белый цветок в темно-коричневый цвет засохшей кровяной корочки.

Так кусты многолетних гвоздик окроплялись кровью с освежаванных шкур кроликов на заднем дворе дома в детстве. Отец вывешивал их на бечевку между столбами, и кровь была единственным доказательством того, что в этой шкуре когда-то теплилась жизнь.

Опороченное целомудрие. Как символ гнилой метки смерти на всех живущих.

Он взглянул на свою бывшую жену, висевшую рядом. Жестокая смерть продолжала глумиться даже над трупом. Висящая туша достигла состояния, когда плоть сдиралась с костей запястья под давлением силы тяжести. Цепи глубоко вонзились в распухшую плоть, из которой сочилась гниль. Если она провисит еще дольше, кости выскользнут из скальпа, который останется на цепях, а туша упадет на пол и местами лопнет, так что придется долго отмывать

пол. Он через это уже проходил. Жизнь учила его с раннего детства премудростям процесса разложения трупов.

Труп кролика. Труп женщины. Между ними нет разницы.

А потому он взялся за привычную работу: пластиковый мешок, лопата и мрак ночи.

Ночь.

Он слышал голоса явственнее именно ночью, когда цепкие объятия будней рутины отпускала его в пограничное состояние между явью и сном. Голоса воспоминаний, размышлений, идей. Его собственное Я растворялось в этом хоре, и он зачастую не понимал, его ли это мысли, его ли воспоминания. Ему нравилось верить, что голоса его родителей и всех тех, кто повлиял на него, соединялись в этот гармоничный гам вместе с ним, чтобы вести его, направлять в этой непредсказуемой и интересной жизни.

Под тот же шепот в голове, кажется, он принадлежал одному из преподавателей биологии в школе, он аккуратно снимал смердящую тушу, стараясь не оказывать чрезмерного давления на мягкие ткани. Другой голос, совершенно точно принадлежащий давнишнему знакомому патологоанатому, напоминал о том, что в теле уже начался автолиз⁸, у клеток наступает кислородное голодание и накапливаются токсичные продукты химических реакций, повышая кислотность. В течение четырех часов труп окоченеет, а потому надо поторапливаться, если хочешь сложить его в багажник. Еще один голос – голос офицера полиции из документального фильма про расследование загадочных преступлений – чертил будущий маршрут к месту назначения, напоминая о необходимости избегать камер видеонаблюдения. Последних становится все больше с каждым годом.

Но самым бесценным был голос его бывшей жены, чей труп он заворачивал в полиэтилен. Ее слова ласково шептали ему о том, что она всегда будет любить его таким, какой он есть.

Спасибо, моя Тарани.

И я люблю тебя.

Сквозь открытую дверь балкона в спальню врывается свежесть позднего вечера. После сеанса экзорцисту необходимо обрести равновесие: энергетический накал по-разному влияет на экзорцистов, но влияет всегда. Обычно Стефания принимала ванную, а потом долго сидела в саду или на балконе, где прохладный ветер смывал с нее грязь, с которой не могла справиться вода. Ощущения холодных потоков до дрожи тела освежали проникающей прохладой, это ощущение дарило уверенность в том, что каждая клетка организма стерилизовалась.

Контрольный удар по энергетическому дисбалансу – посты с хэштэгом #смешныекотики.

Душа душой, а экзорцисты обладали и телесной оболочкой, которая тоже требовала современного хлеба. Напускная важность, холодная строгость – таковыми экзорцисты всегда должны показываться перед остальными. Их суровый вид должен внушать трепет верующим, должен напоминать о грандиозности Бога и о фундаментальности веры. Клоун такое не внушит. Девушка в короткой юбке и розовых гольфах – тоже. А вот черная роба с коловраткой, Библия подмышкой – самое то. Крестами увешаться – еще лучше. А если еще везде таскать с собой кадило, то трепета мирян точно не избежать.

В своей же норе можно расслабиться. А потому Стефания звездой валялась посреди подушек на кровати, наглаживала черное пушистое пузо сопящего Люсика и хихикала над смешными котиками.

Дядя рассказывал, что когда практиковал обряды сам, то обретал равновесие после сеансов, созерцая море на террасе дома в Арелатском аббатстве, что находится на острове неподалеку. Сегодня там живет его старый друг – пресвитер Джованни, с которым они вместе отгоняли тьму во времена социальных волнений девяностых. Дядя Виктор – интеллектуал, он

---

⁸ Самопоглощение

находил баланс в чтении манускриптов на древних языках. Для него это была головоломка: найти значение флексии, отыскать перевод корня, понять смысл суффикса, а потом соединить целую цепочку неизвестных слов во фразу, несущую глубокий смысл.

Современные же экзорцисты пугали своих наставников, потому что пополнение своего заряда все больше происходило с использованием новых технологий. Корпение над древними свитками в библиотеках, чтение классики на природе – все это отходило на второй план, когда в мире появились:

- Инстаграм.
- Квадрокоптер.
- Скейтборд.
- Симсити.

Примерно такой набор слов получил в ответ святой отец Маркони от молодых экзорцистов на ежегодном семинаре, когда попросил поделиться своими способами обретения энергетического равновесия после процедуры изгнания.

– Я не понял ничего из того, что вы только что сказали. Это что, шумерский? Вы только что пытались вызвать демона? – была его реакция.

Дверь в спальню открылась, и на пороге появилась Ева.

– Кого-то можно поздравить с успешным проведением процедуры? – задорно спросила она.

А потом достала бутылку из-за спины.

– С ума сошла? Закрой дверь! Вдруг увидит! – зашипела Стефания.

– Расслабься! Его до ночи не будет. Он на собрании. А тебе не мешает простерилизовать нутро!

Ева быстро соорудила минибар на прикроватной тумбе и уже нарезала лимон, пока Стефания разливала ром и кока-колу по высоким стаканам. Каждое успешное проведение обряда они праздновали донельзя мирским способом, которому научились в духовной семинарии для девушек. Глупо думать, что подростки не найдут способов дотронуться до запретного в стенах религиозной обители. Всегда найдут. И везде. А чем сложнее препятствие, тем слаще упоение его преодолением.

Здоровая гармония души и тела – понятие довольно запутанное. Физиологическое удовольствие напрямую влияет на здоровье духа: поднимает настроение маленькими радостями вроде вкусного торта или любовного прикосновения. В то же время телесное наслаждение не может быть скопировано на духовный уровень. Здесь наслаждение обретает другую форму и другой объем. Никакой ром не сравнится с моральным удовольствием от помощи страждущему, от осознания того, что ты сделал приятное кому-то просто так.

Оба тела – духовное и физическое – нуждаются в любви и уходе в равной степени.

– Наверняка теперь пожертвования приходу увеличатся баксов на сто.

– Ох, ты неисправима. Дождешься ведь, как прилетит сверху за богохульство.

С этими словами Стефания указала на небо.

– Как все прошло?

Стефания отпила большой глоток и ответила:

– Как по инструкции.

После успешного сеанса Стефания с пастором Лютером осмотрели Карима. Бес не успел нанести серьезных травм: синяки, растяжения да прикушенный язык. Уже через полчаса Карим сидел на кухне с семьей и ел печенью, запивая молоком. Ансар сидел с ним рядом и все время держал за руку.

Под задорный смех счастливого семейства Стефания натягивала пальто, оценивая бардак вокруг: разбитые лампы и окна, раскинутая мебель. Упавшие полки, шкафы с книгами, с посудой: со стен слетело все и даже старинное распятие. Металлическая сушилка для белья

пробила стену, и теперь через дыру в квартиру заглядывали обеспокоенные соседи. Последние полчаса пастор Лютер занимался тем, что успокаивал их, уверял, что здесь не убивали ни детей, ни чудовищ, хотя соседи клялись, что слышали рев какого-то огромного доисторического вепря.

В коридорах и подвалах дома уже всюду устранили течи, полицейские осматривали повреждения, чтобы понять, были ли это вандалы или какое-то природное явление. Пожарные инспекторы изучали напряжение в электропроводке, потому что выбить свет во всем квартале может только очень сильный перебой на центральной магистрали. Врачи осматривали жильцов, но все больше оказывали психологическую помощь, нежели медицинскую.

Ну а Стефания вручила каждому члену семьи серебряный крестик на цепочке – еще один пункт протокола или, как его называла Стефания, правило хорошего тона.

– После обряда ваше энергетическое поле будет нестабильно в течение нескольких дней, – говорила она, застегивая цепочку на шее Карима. – Вы можете видеть беспокойные сны или поддаваться необъяснимой панике. Это нормально. Просто вы будете чувствовать этот мир немного острее, нежели раньше. Эти крестики помогут вам восстановить баланс. Молитесь чаще, разговаривайте с Богом в мыслях, благодарите его и жертвуйте в эти дни. Так ваша душа быстрее исцелится.

Когда Стефания надела цепочку с крестом на Умму, та расцеловала ее руки. Идрис и Камал одарили крепким рукопожатием. Карим поцеловал незнакомую тетю, которая больше не казалась ему врагом, что бы там ни говорил тот чужой голос в голове, который отныне исчез. А Ансар обнял Стефанию так, что она почувствовала жар, исходящий из его груди. Душа Ансара сияла отвагой, добротой, любовью, состраданием – всем, чему он научился сегодня. Стефания знала, что теперь Ансар вернется домой, станет прочной поддержкой семье, и все у них наладится.

– Я думал, кресты и распятия – это всего лишь неживые объекты, они не могут вылечить душу, – сказал пастор, провожая Стефанию к двери.

Он смотрел на нее с легким прищуром воспитателя, поймавшего ребенка на лжи. Стефания улыбнулась.

– Эти подвески были подарены им самим экзорцистом! – произнесла она воспевающим тоном, в котором чувствовалась добрая насмешка. – Еще несколько поколений этой семьи будут верить в силу подвесок, а значит будут заряжать их энергией, что в свою очередь значит...

– Что их вера будет защищать их от тьмы, – закончил пастор с широкой улыбкой.

Иногда экзорцисты, как и любые другие священники, прибегают к хитростям, чтобы разжечь в людях веру. Так, древние греки считали автоматически открывающиеся двери храма в Александрии чудом, свидетельствующим присутствию Бога, а вовсе не результатом работы законов физики⁹.

Стефания закончила рассказ.

Ева прищурилась. Ее сверхчутье было ничуть не меньше, чем у Стефании.

– Что не так? – спросила она. – Давай колись, Степашка.

Стефания молчала, делая вид, что уж очень занята начесыванием пуза черного кота.

– Твой таинственный визитер?

Стефания взглянула на сестру, так тонко чувствующую ее дух. Между ними никогда не было секретов. Они росли, связанные кровью и предназначением. Родители Стефании погибли в автокатастрофе, в которой девочка чудом выжила в утробе матери. Ничего, кроме божествен-

---

⁹ Двери храма в Александрии открывались за счет давления горячего воздуха, проходящего по трубам под храмом. Таким образом, зажигая огонь перед дверьми, активировался процесс нагрева воздуха, который толкал грузы и противовесы (емкости с водой), открывающие двери. https://www.youtube.com/watch?v=BrZhr8f12gs&t=1391s&ab_channel=%D0%A2%D0%B0%D0%B9%D0%BD%D1%8B%D0%9C%D0%B8%D1%80%D0%BE%D0%B7%D0%B4%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D1%8F

ного провидения Виктор в этом не видел. Он забрал племянницу тотчас же, как она появилась на свет, и сразу же положил в соседнюю колыбель от дочери. С тех пор сестры неразлучны.

– Что он натворил на этот раз?

Стефания ответила, чуть погодя:

– Он вмешался в процедуру.

Ева цокнула.

– М-м-м, это нехорошо, – задумчиво произнесла она.

Стефания кивнула.

– Думаешь, сказать ему? – спросила она, указывая кивком на дверь.

– Щекотливый момент. Если скажешь, он может отстранить тебя от работы на время изучения этой сущности. И тогда никаких обрядов тебе не видеть.

Стефания не мыслила жизнь, лишённую сути. Экзорцизм – огромная часть ее личности. Она живет обрядами, а между ними готовится к очередному, читая бесконечные хрестоматии. А это значит, что рассказ дяде потерпит.

– Узнала имя визитера?

Стефания покачала головой. Знать имя сущности важно, но необязательно. Имя определяет его личность, обрисовывает опасность, с которой имеешь дело. Зачастую имя демона можно найти в руководствах и тех же хрестоматиях, чтобы узнать его слабые места. И, разумеется, демоны неохотно им делились. Поэтому в обрядах приходилось опираться на свое чутье и знания, чтобы определить хотя бы примерный возраст демона. Этот прогноз вырисовывал количество необходимых сил и времени для его изгнания.

– Не факт, что это зловредная сущность. Это может быть просто очень измученная душа. Мы каждый день сталкиваемся с непонятной херней. Кто там вообще разбирается во всем этом энергетическом бульоне?

Ева как всегда демонстрировала отпетую отвагу. В детстве, когда они видели сущностей, трусливая Степашка пряталась за креслом, а бесстрашная Ева шла к занавеске, отдергивала ее и начинала вести диалог. Во время процедуры изгнания Ева не стеснялась слать бесов, куда подальше, обзывала их и откровенно насмехалась над ними. Каждый экзорцист уникален своими методами работы, потому что каждый находил силу, как и успокоение, в чем-то своем. У Евы это была ответная агрессия. Получив удар, она не подставляла вторую щеку, а била в ответ. И била мощно. Отцу не нравилась эта нахальность, уродующая женщину, как он говорил. Он всегда превозносил кротость Стефании. Но Ева обладала божьим даром изгонять тьму, как никакой другой экзорцист, и этот факт посылал мнение отца и всего Епископата туда же, куда Ева посылала бесов.

– Мой тебе совет: попробуй заговорить с ним.

– Я пыталась. Но он уходит.

– Значит еще не пришло время. Если что, зови. Надерем ему задницу вместе. А то ходят тут, пугают до инфаркта, сволочи бестелесые.

Стефания подавилась напитком и рассмеялась.

– Слышал бы тебя отец!

– Ой не дай бог! Его уже хватал удар.

– Тем более пожалей его!

– Ага, бегу и спотыкаюсь. Если хотел вырастить из меня нормального адекватного человека без комплексов, нефиг было в эту семинарию засовывать!

Стефания снова подавилась от хохота.

Они получили основное образование в женской духовной семинарии, где неутомимое бунтарство и горячий темперамент Евы заставил ее разглядеть красоту женского тела и познать первую любовь. Она уже была уверена, что отныне женщины – это все, что привлекает ее в человеческом роде, как вдруг после выпуска познакомилась с Робертом, а потом с Кириллом,

а потом еще с дюжиной парней. Тогда она открыла для себя, что любит людей вне зависимости от их пола. Она могла представить папе очередного бойфренда, как отца ее будущих детей, а через месяц уже проснуться в постели с Катариной и изучать новый закон, разрешающий усыновление однополым парам.

Виктор рвал и метал.

– *Я люблю не телом, а душой! Почему ты превозносишь одно над другим?* – это был излюбленный аргумент Евы в спорах с отцом.

Экзорцистов учат любить и защищать оба проявления человеческой сущности. Взаимосвязь тела и души детально изучается на протяжении всей образовательной подготовки будущих экзорцистов. Влияние биологических и химических реакций на психологическую составляющую рождает бездонную пропасть открытий и аксиом. Человеческое тело – это целая вселенная со своими собственными законами.

Созвучная симфония мира физического и мира духовного является основным законом уравновешенного сосуществования двух разнополярных миров. На этом строился сам смысл экзорцизма: успешное спасение как духа, так и тела. Экзорцизм, приведший к гибели человека или же к серьезным травмам, считался неуспешным, а экзорциста, прошедшего такой обряд, обвиняли в отсутствии достаточных навыков, чтобы продолжать практику.

Ева и Стефания принадлежали к молодому поколению экзорцистов, по своему лишь определению раздражающему более зрелых коллег. Но и среди молодых всегда есть таланты, чей дар и приверженность всегда высоко ценят в Епископате, за что иногда прощают мелкие шалости.

А потому с разрешения Виктора в доме хранился ром, а в спальнях сестер – атрибуты женской красоты и обаяния. Виктор успокаивал себя тем, что списывал потакание грехам на необходимость поддерживать в экзорцисте положительные эмоции и любовь к жизни. Опять-таки, от физического и духовного здоровья дочерей зависел исход очередной битвы между светом и тьмой. Но во избежание очередного предынфарктного состояния в белье шкафы дочерей больше не заглядывал.

4. Жуткое знакомство в бельведере

Каверна – место, где демон рождается в мире людей.

Демоны жаждут заполучить человеческую плоть по разным причинам. Например, чтобы вкушать удовольствия физического тела. Они обладали им когда-то давно в прошлой жизни и теперь отчаянно жаждут заполучить его обратно.

Самый доступный способ заполучить тело – украсть его. Но здесь есть огромный недостаток. Человеческое тело и душа связаны неразрывно, изгнать из тела принадлежащую ему душу невозможно, ее можно лишь потеснить. Постоянное теснение души требует много энергии от демона, в среднем ее хватает на два-три года. Далее плоть распадается под гнетом слабости, заболеваний, пока не сгнивает до состояния, когда ничто уже не может ему помочь: ни медицина, ни Божья Благодать. Есть некоторые законы в этом мире, которые даже Бог не в силах изменить.

Мироздание должно иметь базу и элементарные физические законы, будь то макро- или микромир. В отсутствие законов рождается хаос. В хаосе жизнь невозможна.

Эти же законы мироздания обуславливают наличие естественного способа обрести тело. Своеобразная лазейка, позволяющая сущностям света и тьмы обретать комбинезон из плоти, чтобы существовать в мире людей. Взрастить этот комбинезон можно в каверне – месте, где грань между мирами тонка настолько, что ее можно пересечь.

На земле есть много мест, где грань между мирами стирается. Они возникают в местах военных конфликтов, массовых казней, пыточных лагерей – средоточие боли и страданий нарушает равновесие энергий, из которых сплетено полотно мироздания. При избытке энергии с темной полярностью волокна распадаются, материя достигает предела прочности, и тогда происходит ее разрушение, как у истирающихся прокладок в гидравлических механизмах. Открывается проход в потусторонний мир, из которого, обладая нужным знанием, можно вытащить демона.

Данная процедура невозможна без участия человека. Человек является квинтэссенцией жизни в этом мире, символ сосуществования двух разных миров. Силой желания он создает материю из энергии струн, мыслями управляет ходом истории. Редко осознавая свою значимость, человек является сердцевиной конфликта света и тьмы и всегда находится в местах его разрешения.

Рождение демона в каверне сопровождается колоссальным выбросом энергии сродни взрыву атомной бомбы, ударная волна которой расходится по всей планете и даже за ее пределами. Сверхчувствительные создания ощущают этот толчок, как если бы их оглушило смывной волной цунами.

Пробуждение было столь резким, что она не сразу осознала его. Ее как будто столкнули с высокого утеса, пока она спала, и вот сон ушел, а к ней стремительно несется дно черной пропасти. Лишь через несколько секунд Стефания поняла, что кричит. Только когда легкие вытолкнули весь воздух, сжались до размера инжира и потребовали сделать вдох, мозг отряхнулся и начал анализировать обстановку.

Она сидела в кровати, разбуженная раскатистым грохотом. Что это было? Ракетный обстрел? Годзилла прорычала в поисках детеныша? Мозг подкидывал все возможные идеи, о которых только мог подумать – он просто не мог находиться в состоянии незнания. Что бы это ни было оно возбудило организм Стефании до дрожи во всем теле. Стефания смотрела на свои трясущиеся руки и тяжело ловила воздух ртом. А потом увидела испуганного Люсика. Желтые глаза, как две полные луны, на фоне черной шерсти испуганно озирались по сторонам. Что бы это ни было, кот тоже это почувствовал.

А потом в коридоре раздался обеспокоенный оклик дяди:

– Девочки!

Стефания тут же соскочила с кровати и выбежала из спальни. В длинном темном коридоре дядя стоял в проеме двери собственной спальни и встревоженно озирался вокруг. Дверь напротив распахнулась, и в проеме показалась растрепанная Ева:

– Вы тоже это почувствовали? – взволнованно спросила она.

В спальне Виктора раздался телефонный звонок, он вбежал внутрь. Девушки последовали за ним и остановились на пороге его спальни. Виктор включил ночник, и этот свет стал первым, осветившим ночную темноту в доме. Виктор долго слушал собеседника, лишь пару раз что-то ответил, а потом отключил связь, посмотрел на ожидающих ответа девушек и произнес:

– Одевайтесь. Мы едем в Епископат.

Через час водитель уже вез все семейство на собор Епископата экзорцистов, собранного в экстренном порядке. С подобным девушки еще не сталкивались. Ничего хорошего этот срочный сбор посреди ночи не сулил. Произошло что-то ужасное, и все экзорцисты были взбудоражены.

Кафедра Епископата уже несколько сотен лет находилась в Соборе Святого Иакова в старой части города. Собор входил в список наследия ЮНЕСКО и приглашал туристов посетить внутренний сад, в котором можно насладиться мелодией колоколов из старинных звонниц и грандиозным порталом в виде алтарного образа, занимающего всю внутреннюю восточную стену. Однако, проход в сам Собор был воспрещен и охранялся круглые сутки. Собор хранил в себе сердце Епископата экзорцистов и лишь избранные имели доступ внутрь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.